Жестокий принц

Автор:
Холли Блэк

Жестокий принц

Холли Блэк

Воздушный народ #1

Джуд ненавидит фейри и одновременно преклоняется перед ними. Когда ей было семь, ее родителей хладнокровно убили. Девушку воспитали фейри. Она выросла при дворе одного из самых могущественных и жестоких генералов армии Верховного короля фейри. У него она научилась превосходно владеть мечом. Но чтобы избежать постоянных насмешек со стороны волшебных обитателей страны, которые презирают людей, ей нужно гораздо больше. Джуд нужна власть. Но для этого придется сразиться с Карданом, самым вероломным и коварным принцем Фейриленда.

От автора международных бестселлеров New York Times и обладательницы множества литературных наград Холли Блэк. Одна из самых ожидаемых книг 2018 года! Великолепная новая серия о смертной девушке, оказавшейся в водовороте придворных интриг фейри.

Холли Блэк

Жестокий принц

Кассандре Клэр,

которую мне удалось наконец-таки заманить в Фейриленд

Книга 1

Детям фейри не нужны

Ни рубашки, ни штаны,

Ни камин, и ни еда,

Все, что надо, есть всегда.

Звон в кармане золотой,

В семь годков уже с женой.

И в хозяйстве тож порядок —

Пони есть, овец с десяток.

И у каждого свой дом

Из гранита с кирпичом.

Вишен съел, побегал всласть —

Вот бы мне туда попасть!

Роберт Грейвз

«Хочу я быть ребенком фейри»

Пролог

Сонным воскресным днем некий мужчина в длинном черном одеянии остановился в нерешительности перед одним из домов на обсаженной деревьями улице. Он не припарковался на своей машине и не приехал на такси. Никто из соседей не видел его идущим по тротуару. Незнакомец просто

появился, словно ступил из одной тени в другую.

Подойдя к двери, мужчина поднял руку, намереваясь постучать.

Джуд сидела на коврике в гостиной и ела сыроватые, только что из микроволновки рыбные палочки, возя их по бурой лужице кетчупа. Ее сестра-двойняшка, Тарин, дремала на одной половине софы, завернувшись в одеяло и сунув большой палец в испачканный фруктовым соком рот. Расположившаяся на другой половине софы их старшая сестра, Вивьен, смотрела телевизор, не отрывая глаз с жутковато расколотыми зрачками от мультяшной мышки, убегавшей от мультяшной кошки. В те драматические моменты, когда мышка, казалось, вот-вот будет съедена, девочка смеялась.

Виви была не такой, как другие старшие сестры, но и семилетние близняшки, Джуд и Тарин, обе с одинаковыми растрепанными каштановыми волосами и вылепленными сердечком личиками, тоже были непохожи на прочих. Глаза Виви и кончики ушей с легким пушком представлялись Джуд не более странными, чем то, что она сама являла собой зеркальное отражение кого-то другого.

И если порой она замечала, что соседские дети сторонятся Виви, а их родители говорят о ней негромкими, обеспокоенными голосами, то не придавала этому особого значения. Взрослые всегда чем-то обеспокоены и всегда о чем-то шепчутся.

Тарин зевнула и потянулась, прижавшись щекой к коленке Виви.

За окном ярко, обжигая асфальт подъездных дорожек, светило солнце. Тут и там жужжали газонокосилки, и дети плескались в бассейнах на задних дворах. Папа работал в пристройке, где у него была кузница. Мама в кухне готовила гамбургеры. Все как всегда – скучно. Все хорошо.

Когда в дверь постучали, Джуд сразу вскочила и бросилась открывать. Вдруг кто-то из девочек с другой стороны улицы хочет поиграть в видео- игры или пригласит ее покупаться?

Стоявший на придверном коврике высокий незнакомец пристально посмотрел на нее сверху вниз. Несмотря на жару, на нем был коричневый кожаный пыльник и украшенные серебром сапоги, и, когда он переступил через порог, они глухо

звякнули. Джуд подняла голову, взглянула на скрытое тенью лицо и поежилась.

– Мама, – крикнула она. – М-а-а-а-а-а-а-м. К нам пришли.

Мать вышла из кухни, вытирая ладони о джинсы. Увидев гостя, она побледнела и испуганным голосом бросила дочери:

– Иди в свою комнату. Живо!

– Это чей ребенок? – спросил, указав на Джуд, мужчина в плаще. В голосе его прозвучал странный акцент. – Твой? Его?

– Ничей. – Женщина даже не взглянула девочке вслед. – Она ничейный ребенок.

Это было неправда. Джуд и Тарин точь-в-точь походили на отца. Так говорили все. Джуд сделала несколько шагов в сторону лестницы, но идти одной в комнату ей не хотелось. «Виви, – подумала она. – Виви знает, кто этот высокий человек. И Виви всегда знает, что делать».

Но заставить себя пройти дальше она как будто не смогла.

– Я видел много невозможного, – молвил незнакомец. – Видел желудь прежде дуба. Видел искру прежде пламени. Но вот такого не видел никогда: живую покойницу. Рожденного из ничего ребенка.

Мама замешкалась, словно не находя слов. Тело ее вибрировало от напряжения. Джуд хотела взять ее за руку и пожать, но не осмелилась.

– Я не поверил Балекину, когда он сказал, что тебя можно найти здесь, – продолжал незваный гость смягчившимся голосом. – Кости смертной женщины и ее нерожденного ребенка на пепелище моих владений выглядели весьма убедительно. Знаешь ли ты, каково это, вернуться после битвы и обнаружить, что твоя жена мертва, как и твоя единственная наследница? Что твоя жизнь обратилась в пепел?

Мама покачала головой, но не так, как если бы отвечала ему, а так, как если бы пыталась отогнать произнесенные слова.

Он шагнул к ней, и она отступила на шаг. Что-то было не в порядке с его ногой, и двигался он неловко, как будто ему мешала боль. Свет в прихожей падал иначе, и Джуд заметила странный зеленоватый оттенок его кожи, а еще обратила внимание на нижнюю губу, казавшуюся слишком большой для рта.

Увидела она также, что глаза у чужака такие же, как у Виви.

– Я никогда бы не была счастлива с тобой, – сказала мама. – Твой мир не для людей вроде меня.

Гость долго смотрел на нее и наконец сказал:

– Ты принесла клятву.

Она вскинула голову.

– А потом от нее отказалась.

Его взгляд переместился на Джуд, и его лицо словно окаменело.

– Чего стоит обещание смертной жены? Думаю, ответ у меня есть.

Обернувшись, мама, к немалому своему удивлению, обнаружила, что Джуд еще здесь. Этого взгляда хватило, чтобы девочка сорвалась с места и метнулась в гостиную.

Тарин еще спала. Телевизор работал. Вивьен подняла свои кошачьи глаза под полуопущенными веками.

– Кто там у двери? Я слышала какой-то спор.

– Кто-то… страшный… – Джуд запыхалась и даже слышала, как колотится сердце, хотя и пробежала-то всего ничего. Мама велела ей идти в комнату, но сидеть там в одиночестве девочка не собиралась. – Нам сказали подняться наверх. – Вивьен со вздохом поднялась с софы и потрясла Тарин. Та, еще и не проснувшись толком, потащилась за сестрами. Они уже повернули к

застеленным ковровой дорожкой ступенькам, когда Джуд увидела вошедшего с заднего двора отца. В руке он нес топор, который сам же и выковал в кузнице, взяв за образец тот, что видел в историческом музее в Исландии. Видеть отца с топором ей было не впервой. Он и его друзья увлекались старинным оружием и часто и подолгу говорили о «материальной культуре» и обменивались идеями создания разных фантастических клинков. Непривычным, пожалуй, было то, как он держал оружие… будто намеревался…

Отец замахнулся топором на незнакомца…

Никогда он не поднимал руку на Джуд и ее сестер, чтобы наказать их, даже когда девочки попадали в большие переделки. Никогда никого не обидел. Не такой был человек.

И однако ж… однако ж…

Пролетев мимо высокого незнакомца, топор впился в деревянную отделку двери.

Чудной, пронзительный вопль вырвался у Тарин, которая тут же захлопнула рот ладошками.

Незнакомец выхватил из-под кожаного плаща кривой клинок. Меч как в книжке. Папа еще пытался вырвать застрявший в дверной раме топор, когда человек в плаще вонзил клинок ему в живот и дернул вверх. Джуд услышала звук, как будто ломаются палочки, и звериный крик. Папа рухнул на ковер. Тот самый ковер, за который сестры, стоило лишь ступить на него грязными ногами, получали нагоняй.

Ковер окрашивался красным.

Мама закричала. Джуд закричала. Тарин и Вивьен закричали. Закричали все, кроме высокого незнакомца.

– Иди сюда. – Он посмотрел на Вивьен.

– Ты… чудовище, – крикнула их мать, поворачиваясь к кухне. – Он мертв!

– Не убегай от меня. Только не после того, что ты сделала. Убежишь еще раз, и, клянусь, я…

Но она все равно побежала. И уже почти скрылась за углом, когда клинок ударил ее в спину. Падая на линолеум, мать раскинула руки, смахнув магнитики с холодильника.

Запах свежей крови повис в воздухе, словно тяжелый, влажный и горячий металл. Как те скребки, которыми мама оттирала пригоревшие на сковородке кусочки.

Джуд налетела на незнакомца, колотя его кулачками в грудь, пиная по ногам. Она даже не испугалась. Может, вообще ничего не почувствовала.

Вот только чужак ее как будто и не заметил. Какое-то время он просто стоял, словно и сам не мог поверить в содеянное. Словно, будь на то его воля, вернул бы все назад на последние пять минут. Потом он опустился на колено, схватил Джуд за плечи, так что она не могла уже бить его, но при этом даже не посмотрел на нее.

Взгляд его остановился на Вивьен.

– Тебя украли у меня. Я пришел забрать тебя в твой настоящий дом, в Эльфхейм под холмом. Там ты будешь богата. Безмерно богата. Там ты будешь со своим народом, с такими же, как ты.

– Нет, – угрюмо ответила Виви. – Я никогда и никуда с тобой не пойду.

– Я твой отец. – Его грубый, режущий голос взлетел, как хлыст. – Ты – моя наследница, и ты будешь послушна мне в этом, как и во всем прочем.

Она не двинулась с места и только стиснула зубы.

– Ты не ее отец, – крикнула Джуд. И пусть глаза у него были такие же, как у Виви, она не позволила себе поверить в сказанное им. Он крепче сжал ее плечи, и Джуд тихонько пискнула, но дерзких глаз не отвела. В игре в гляделки победить ее получалось у немногих.

Он первым отвел глаза и повернулся к Тарин. Стоя на коленях, всхлипывая, девочка трясла и трясла маму, как будто пыталась разбудить ее. Но мама не шевелилась. Мама и папа умерли и никогда уже не встанут.

– Ненавижу тебя, – со злостью, порадовавшей Джуд, заявила Виви. – И всегда буду ненавидеть. Клянусь.

Ничто не дрогнуло в окаменевшем лице незнакомца.

– Тем не менее ты пойдешь со мной. Приготовь этих худосочных малышек. Возьми необходимое. Мы выедем дотемна.

Вивьен вскинула подбородок.

– Оставь их. Если уж так нужно, возьми меня, но не их.

Он пристально посмотрел на нее и фыркнул.

– Бережешь сестричек от меня, да? Тогда скажи, куда ты их отправишь?

Вивьен не ответила. Дедушек и бабушек у них не было, как и вообще никаких родственников. По крайней мере они никого не знали.

Он снова взглянул на Джуд, отпустил ее плечи и поднялся.

– Они – отпрыски моей жены, а значит, и отвечать за них мне. Я, может, и жесток, чудовище и убийца, но от ответственности не уклоняюсь. И ты, как старшая, увиливать не должна.

Много позже, годы спустя, рассказывая о случившемся, Джуд никак не могла вспомнить, как они собирались. Столь велико было потрясение, что тот час просто выпал из памяти. Должно быть, Вивьен нашла какие-то мешки и положила их любимые книжки с картинками и игрушки, а также фотографии, пижамы, рубашки и пальто.

А может, Джуд сложила свое сама. Она не помнила.

Как они сделали это все, когда тела родителей стыли на полу внизу? Что она чувствовала? Годы шли, а она никак не могла заставить себя снова пережить это. Время притупило ужас смертей. Память о том дне растаяла в красном тумане.

Черный конь пощипывал травку на лужайке, когда они вышли из дома. У него были большие и мягкие глаза, и Джуд хотелось обхватить его руками за шею и вжаться мокрым от слез лицом в шелковистую гриву. Но прежде чем она успела это сделать, высокий незнакомец перебросил ее, а потом и Тарин через седло, как какой-нибудь багаж, а не детей, и посадил позади себя Вивьен.

– Держись, – сказал он.

Всю дорогу до Фейриленда Джуд и ее сестры проплакали.

Глава 1

В мире фейри нет рыбных палочек, кетчупа, телевизора.

Глава 2

Я сижу на подушке, а имп заплетает мне волосы, собирая их с лица. Пальцы у нее длинные, ногти острые. Я моргаю. Ее черные глаза встречаются с моими в зеркале на туалетном столике. Ножка у столика выполнена в форме лапы.

– До турнира еще целые четыре ночи, – говорит она. Зовут ее Таттерфелл, и в доме Мадока она исполняет обязанности служанки, отрабатывая долг. Я на ее попечении давно, с самого детства. Это Таттерфелл втерла мне в глаза жгучую фейрийскую мазь, наделив Истинным Видением, чтобы я могла распознавать чары. Она же стирала грязь с моих сапог и вешала мне на шею бусы из сушеных плодов рябины, чтобы я могла сопротивляться соблазнам и искушениям. Она вытирала мне нос и напоминала надевать чулки наизнанку, чтобы не потеряться в лесу. – И как бы тебе ни хотелось попасть туда, луну не заставишь садиться и

вставать быстрее. Постарайся украсить генеральский двор, показать себя во всей красе, какую мы только сможем тебе придать.

Я вздыхаю.

Ее терпения никогда не хватало на мою раздражительность.

– Танцевать при Дворе Верховного короля под холмом – большая честь.

Служанкам доставляет огромное удовольствие напоминать, как повезло мне, внебрачной дочери неверной жены, существу без капли фейрийской крови, что со мной обращаются словно с чистокровным ребенком фейри. То же самое твердят Тарин. Иногда, слушая это все, хочется кого-нибудь укусить.

– Знаю, – говорю вместо этого я, потому что она старается быть доброй. – Замечательно.

Фейри не могут лгать, а потому больше внимания обращают на слова и совсем мало на тон. Особенно это относится к тем, которые не жили среди людей. Таттерфелл одобрительно кивает. Ее глаза – две влажные бусинки гагата, ни зрачки, ни радужки не видны.

– Может быть, кто-то попросит твоей руки, и ты станешь постоянным членом Верховного двора.

– Я хочу завоевать это место.

Имп замирает со шпилькой в руке, возможно, прикидывая, куда бы меня уколоть.

– Не говори глупости.

Спорить, напоминать о губительном замужестве моей матери бессмысленно. Для смертного есть лишь две возможности стать постоянным членом Двора: через брак или особые успехи в каком-то значимом ремесле, например, в металлургии или игре на лютне. Первое направление меня не интересует, так что остается надеяться на талант во втором.

С волосами покончено. Получилось нечто сложное, и я выгляжу так, словно отрастила рога. Меня обряжают в сапфировый бархат. Ни одно, ни другое не скрывает того, что я человек.

Знаю, воспитываться рядом с детьми знати – большая честь. Ужасная честь, которой я никогда не буду достойна. И забыть трудно, когда со всех сторон звучат напоминания.

– Завязала три узелка на удачу, – сообщает маленькая фейри.

Я вздыхаю, и она, соскочив с моего туалетного столика, спешит к двери, чтобы растянуться лицом вниз на моей застеленной гобеленом кровати.

К тому, что мне прислуживают, я уже привыкла. Импы и хобы, гоблины и григи. Тонкие, как паутинка, крылышки и зеленые ногти, рожки и клыки. Здесь я уже десять лет, и все это больше не кажется диковинным и чудным. Странной здесь выгляжу я – с тупыми пальцами, закругленными ушами и короткой, как у мухи-однодневки, жизнью.

По человеческим меркам десять лет – немалый срок. Выкрав нас из мира людей, Мадок возвратился в свои владения в Инсмире, на острове Майт, где держит крепость Верховный король Эльфхейма. Там, соблюдая обязательство чести, он и вырастил нас, меня, Вивьену и Тарин. И хотя мы с Тарин – живые свидетельства маминой измены, согласно обычаям фейри, мы дети его жены и, следовательно, его проблема.

Будучи генералом Верховного короля, Мадок часто бывал в отъезде – сражался за корону. Тем не менее без опеки мы не оставались. Спали на матрасах, набитых мягкими головками одуванчиков. Мадок лично обучал нас искусству боя – с саблей и кинжалом, с кривым мечом или голыми кулаками. Вечерами, у огня, он играл с нами в «Девять пляшущих мужчин», «Лисенка» или фейрийские шахматы «фидчелл». Он разрешал нам сидеть у него на колене и есть с его тарелки.

Много раз я засыпала под его раскатистый голос, слушая истории из книги о стратегии битвы. И со временем, вопреки тому, что он сделал и кем был, я полюбила его. И люблю. Просто это такая не слишком привычная любовь.

– Симпатичные косички. – Тарин входит в мою комнату. Бархат на ней малиновый. Волосы распущены – длинные каштановые завитки струятся за ней, как накидка, и в некоторых локонах поблескивают серебряные нити.

Запрыгнув на мою кровать, она разваливает кучку старых, потертых игрушек, среди которых коала, змея, черный кот – любимые с детства зверушки. Выбросить их, расстаться с давними реликвиями я не могу.

Сажусь повыше, не забыв полюбоваться собой в зеркале.

– Мне нравятся.

– Что-то мне подсказывает, – говорит Тарин к немалому моему удивлению, – что сегодня будет весело.

– Весело? – Я-то представляла, что буду наблюдать за всеми из нашего обычного укрытия и переживать из-за того, смогу ли своим выступлением на турнире произвести достаточно сильное впечатление на кого-нибудь из королевской семьи, чтобы получить дарованное рыцарство.

При одной лишь мысли об этом я начинаю нервничать, но и не думать совсем не получается. Большой палец касается безымянного пальца со срезанным кончиком, у меня начинается нервный тик.

– Да. – Тарин тычет меня пальцем в бок.

– Эй! У-у! – Я торопливо отодвигаюсь подальше. – И что влечет за собой этот план? – Обычно, бывая при Дворе, мы прячемся где-нибудь, откуда наблюдаем всякие интересные события, но сами в них не участвуем.

Тарин вскидывает руки.

– Что ты имеешь в виду? Что влечет? Будет весело!

Я смеюсь немножко нервно.

– Не представляешь, да? Отлично. Посмотрим, обладаешь ли ты пророческим даром.

Она соскальзывает с моей кровати и протягивает руки, словно приглашает на танец. Я послушно следую за ней из комнаты, машинально проверяя, на месте ли пристегнутый к бедру нож.

Внутри дом Мадока – белая штукатурка и массивные, грубо обработанные деревянные балки. Стеклянные оконные панели – серые, словно заполнены пойманным в плен дымом, отчего свет получается немного странный. Мы с Тарин спускаемся по винтовой лестнице, и я замечаю на балкончике Виви, с хмурым видом рассматривающую выкраденный из мира людей фантастический комикс.

Виви усмехается мне. На ней джинсы и просторная блуза – наряд явно не праздничный, так что веселиться наша старшая сестра не намерена. Будучи законной дочерью Мадока, она не обязана ему угождать, на нее никто не давит. Виви делает что хочет. В том числе читает журналы, страницы которых скреплены металлическими скобками, а не клеем, и не беспокоится из-за того, что может обжечь пальцы.

– Куда путь держите? – спрашивает она негромко из тени, и Тарин вздрагивает.

Виви прекрасно известно, куда мы идем.

Поначалу, едва прибыв сюда, мы втроем сбивались в кучку на ее большой кровати и обменивались воспоминаниями о доме. Говорили, как у мамы все пригорало на кухне и какой попкорн получался у папы, вспоминали, как звали наших соседей, чем пахло в доме, какой была школа, каникулы и вкус глазури на праздничных тортах. Мы пересказывали телефильмы, которые видели, уточняли детали сюжетов, доводили до совершенства диалоги, так что наши воспоминания совпадали до точки и были насквозь фальшивы.

Теперь мы уже не собираемся на кровати, не обмениваемся впечатлениями, а все наши новые воспоминания связаны с этим местом, и Виви почти не проявляет к ним интереса. Она поклялась ненавидеть Мадока и от своего слова не отступила, а когда не вспоминала дом, то устраивала ужасные сцены. Била вещи, кричала, бушевала, щипала нас, когда мы давали слабину. В конце концов все это прекратилось, но, думается мне, в глубине души Виви презирает нас за

то, что мы приняли новую жизнь. За то, что смирились и использовали ситуацию с выгодой для себя. За то, что устроились здесь как дома.

– Тебе бы тоже надо пойти, – говорю я ей. – Тарин сегодня в каком-то странном настроении.

Виви задумчиво смотрит на сестру и качает головой.

– У меня другие планы. – Это может означать, что она собирается ускользнуть на вечер в мир смертных или провести время на балконе за чтением.

Так или иначе, что раздражает Мадока, то доставляет удовольствие Виви. Он ждет нас в холле со своей второй женой, Орианой. Кожа у нее голубоватого цвета снятого молока, а волосы белые, как свежевыпавший снег. Красивая, но смотреть на нее неприятно – будто видишь призрак. Сегодня на ней зеленое с золотым мшистое платье с каким-то изощренным сияющим воротником, привлекающим внимание к розовому рту, ушам и глазам. Мадок тоже одет в зеленое, тона густого леса. На боку у него висит меч без каких-либо украшений.

Снаружи, за открытой двустворчатой дверью, нас ожидает эльф с пятью серебряными уздечками для пяти серых в яблоках фейрийских коней, гривы которых заплетены замысловатыми и, возможно, магическими узелками. Интересно, не такие ли они, как и узелки в моих волосах?

– Вы обе хорошо выглядите. – Произнесенные мягким тоном слова звучат редким комплиментом. Мадок взглядом взбегает по ступенькам. – Ваша сестра идет?

– Я не знаю, где Виви. – Врать здесь легко. Можно делать это хоть весь день, и тебя никто не поймает. – Должно быть, забыла.

На лице Мадока разочарование, но не удивление. Выходит и говорит что-то держащему поводья эльфу. Неподалеку замечаю одну из его шпионок, сморщенное существо со сплющенным утиным носом и сгорбленной спиной. Она сует что-то в его ладонь и с удивительной прытью устремляется прочь.

Ориана внимательно смотрит на нас, как будто выискивает в нашей внешности некое упущение.

– Будьте внимательны сегодня. Обещайте, что не будете ни есть, ни пить, ни танцевать.

– Мы уже бывали при Дворе, – напоминаю я ей.

– Вы, может быть, думаете защититься солью, но вы, дети, забывчивы. Лучше обойтись без нее. Что касается танцев, то вы, смертные, стоит лишь начать, будете танцевать до смерти, если мы вас не остановим.

Я опускаю глаза и молчу.

Мы, дети, не забывчивы.

Мадок женился на ней семь лет назад, и вскоре после этого она принесла ему ребенка, болезненного мальчика по имени Оук с крохотными премиленькими рожками на голове. С самого начала было ясно, что Ориана терпит нас с Тариной только из-за мужа. По-моему, мы для нее не более чем любимые собачонки ее супруга: плохо натасканные и способные в любой момент наброситься на хозяина.

Оук видит в нас сестер, из-за чего Ориана нервничает, хотя я бы никогда не сделала ему ничего плохого.

– Вы под защитой Мадока, а он пользуется расположением Верховного короля, – говорит Ориана. – Я не потерплю, чтобы Мадок оказался в глупом положении из-за ваших ошибок.

Закончив эту небольшую речь, она выходит к лошадям. Одна из них храпит и бьет копытом землю.

Мы с Тарин переглядываемся и следуем за ней. Мадок уже восседает на самом большом коне, статном и со шрамом под глазом. Ноздри скакуна трепещут от нетерпения. Снова и снова он мотает головой, отбрасывая гриву.

Я подхожу к бледно-зеленой лошадке с острыми зубами, от нее пахнет болотом. Тарин выбирает пони и трогает с места, ударив каблуками в бока. Лошадка срывается как стрела. Я не отстаю, и мы окунаемся в ночь.

Глава 3

Фейри – сумеречные создания, и я тоже стала такой. Мы встаем, когда тени становятся длиннее, и ложимся перед восходом солнца. Во дворец Эльфхейм, у большого холма, мы прибываем далеко за полночь. Чтобы войти во дворец, нужно проехать между двумя деревьями, дубом и боярышником, а потом врезаться прямиком в каменную стену мрачных руин. Так, по крайней мере, это выглядит со стороны. Я проделывала это сотни раз, но до сих пор вздрагиваю. Все тело напрягается, пальцы сжимают поводья, глаза невольно зажмуриваются, а когда открываются, я уже внутри холма.

Мы едем дальше через пещеру, между колоннами корней, по плотно утрамбованной земле. Десятки фейри уже столпились у входа в просторный тронный зал, где заседает Двор: длинноносые пикси с обветшавшими крыльями; элегантные зеленокожие леди в платьях с длинными шлейфами, которые держат гоблины; озорные богганы; смеющиеся фокскины; мальчишка в маске лисицы и золотой шляпе; пожилая женщина с облепившими ее плечи воронами; шумная стайка девчонок с дикими розами в волосах; темнокожий юнец с волосами вокруг шеи; группа рыцарей в доспехах ярко-зеленого цвета. Многих я видела раньше, с некоторыми разговаривала. Всех и глазом не охватишь, однако же я смотрю и не могу отвести взгляд.

Все это великолепие, церемонии, блеск и величие – мне такое никогда не надоедает. Может быть, Ориана не так уж и не права, когда говорит, что однажды мы можем так увлечься, что забудем об осторожности. Нетрудно понять, почему люди легко поддаются соблазнительному кошмару Двора, почему с такой готовностью тонут в нем.

Знаю, не должно любить его так сильно, как люблю я, увезенная из мира смертных после гибели родителей. Но что поделать – все равно люблю.

Мадок спешивается. Ориана и Тарин сделали это еще раньше и уже передают лошадей конюхам. Все ждут меня. Мадок протягивает руку, будто хочет помочь, но я соскакиваю с седла. Мои кожаные туфли хлопают о землю. Надеюсь, получилось, как у рыцаря.

Ориана делает шаг вперед, возможно, чтобы еще раз напомнить мне и Тарин о том, что нам не следует делать. Ну уж нет. Я цепляю сестру под руку и тащу за собой внутрь. Зал благоухает ароматом горящего розмарина и измельченных трав. За спиной слышны тяжелые шаги Мадока, но я знаю, куда иду. Попадая ко Двору, нужно первым делом поприветствовать короля.

Верховный король Элдред восседает на троне в серых одеждах, предписанных его титулу. На редких, золотистых волосах покоится тяжелая золотая корона в виде дубовых листьев. Мы кланяемся, он касается наших голов узловатыми, унизанными перстнями пальцами, и мы встаем.

Элдред – внук королевы Мэб из дома Зеленого вереска.

Поначалу Мэб жила как одиночная фейри, но потом начала завоевания вместе со своим рогатым супругом и оленьими наездниками. Это из-за него, как говорят, шесть наследников Элдреда имеют ту или иную звериную черту – вещь вполне заурядную в стране фейри, но весьма необычную среди мелкой поместной знати.

Старший принц, Балекин, и его младший брат, Даин, стоят неподалеку, попивая вино из деревянных, оплетенных серебром кубков. Даин носит бриджи до колен, демонстрируя копыта и оленьи ноги. На Балекине его любимая шинель с воротником из медвежьего меха. Вдоль руки, от суставов пальцев до плеча, протянулся хребет острых шипов. Под манжетами рубашки они не видны, но показываются, когда братья подзывают Мадока.

Ориана приседает в реверансе. Хотя Даин и Балекин стоят вместе, они часто не в ладах друг с другом и со своей сестрой Эловин, так что Двор то и дело разделяется на три соперничающих круга влияния.

Принц Балекин, перворожденный, и его компания, известная как Круг граклов, объединяет тех, кто предпочитает веселья и забавы и презирает все, что этому мешает. Они напиваются допьяна и доводят себя до бесчувствия ядовитыми и веселящими порошками. Его круг – самый необузданный, хотя, когда мы разговаривали, он всегда бывал собранным и трезвым. Наверно, я тоже могла бы предаться пьянству и разгулу в надежде произвести впечатление, но предпочитаю этого не делать.

Вторая по старшинству – принцесса Эловин. Ее приближенные составляют Круг жаворонков. Превыше всего они ценят искусство. Место в ее круге заслужили даже некоторые смертные, но поскольку ни в игре на лютне, ни в декламации успехов я не добилась, то и шансов оказаться среди них у меня нет.

Принц Даин, третий по рождению, самый младший, возглавляет Круг соколов. Здесь почитают рыцарей, воинов и стратегов. К этому кругу принадлежит, очевидно, и Мадок. Здесь много говорят о чести, хотя в действительности их интересует власть. Клинком я владею хорошо, в стратегии тоже кое-что смыслю, чего мне недостает, так это шанса показать себя.

– Идите развлекайтесь, – говорит нам Мадок.

Мы с Тарин оглядываемся на принцев и вливаемся в толпу.

Во дворце короля Эльфхейма немало секретных альковов и скрытых коридоров, идеально подходящих для любовников и наемных убийц или любителей держаться в тени и откровенно скучающих на такого рода увеселениях. Мы с Тарин, когда были маленькими, прятались обычно под длинными банкетными столами.

Но после того, как она решила, что мы теперь элегантные дамы, которым не пристало пачкать платья, ползая по полу, нам пришлось искать местечко получше. За второй площадкой каменных ступенек обнаружился внушительный выступ мерцающего камня, образующий что-то вроде карниза. Обычно там мы и располагаемся – слушаем музыку и наблюдаем за весельем, участвовать в котором нам не полагается.

Сегодня однако у Тарин завелась другая идея. Проходя мимо ступенек, она хватает с серебряного подноса зеленое яблоко и кусок пронизанного голубыми венами сыра и, не утруждая себя солью, откусывает того и другого, после чего протягивает яблоко мне. Ориана считает, что мы не в состоянии различить обычные фрукты и фейрийские, цветущие насыщенным золотом. Мякоть у них красная, плотная, и их дурманящий запах наполняет леса с приближением страдной поры.

Яблоко хрустит и приятно холодит рот. Мы передаем его друг дружке и съедаем до сердцевины. Я справляюсь со своей половинкой за два укуса.

Неподалеку от меня крохотная девушка-фейри с белыми волосами и маленьким ножичком режет пояс огра. Работа идет гладко – секунда-другая, и ремня с поясной сумкой уже нет, девушка растворяется в толпе, а я уже готова поверить, что ничего не случилось. Но тут девушка оглядывается и подмигивает мне.

В следующее мгновение огр сознает, что его обокрали.

– Чую вора! – ревет он, размахивая руками, и опрокидывает кружку с темным пивом. Усыпанный бородавками нос подергивается, втягивая воздух.

Неподалеку возникает какая-то суета, одна из свеч вспыхивает трескучим синим пламенем, шипит и разбрасывает искры, отвлекая на мгновение даже самого огра. К тому времени, когда суматоха стихает и все успокаивается, белокурой воровки уже и след простыл.

С полуулыбкой на губах поворачиваюсь к Тарин, которая с восхищением наблюдает за танцующими, не замечая ничего вокруг.

– Мы могли бы попробовать, – предлагает она. – По очереди. Если ты не сможешь остановиться, я тебя вытащу. А потом ты сделаешь то же самое для меня.

Обдумываю ее предложение, и сердце бьется быстрее. Смотрю на веселящихся и пытаюсь собраться с духом, чтобы согласиться с ее планом.

В центре Круга жаворонков танцует принцесса Эловин. Кожа ее сияет золотом, волосы отливают темной зеленью плюща. Возле нее играет на скрипке мальчик лет пятнадцати. Еще двое смертных подыгрывают ему, с меньшим мастерством, но с большим азартом, на укелеле. Младшая сестра Эловин, Кейлия, танцует неподалеку. Как и у отца, у нее шелковистые, цвета пшеницы волосы, украшенные цветочным венком.

Музыканты заводят новую балладу:

Из всех сыновей короля

Принц Джейми худшим был

И хуже всего и печальней всего

Первенцем Джейми был.

Никогда не любила эту песню, потому что она напоминает мне кое о ком. О том, кого здесь нет сегодня, как нет и принцессы Рии. Но… О нет, он здесь! Я вижу его.

Принц Кардан, шестой по старшинству сын короля Элдреда, идет через зал – прямо к нам.

Валериан, Никасия и Локк – три самых близких и верных друга – следуют за ним. Толпа расступается и умолкает, склоняясь перед ними в поклоне. Вид у принца, как всегда, сердитый, веки подведены сурьмой, в темных, как полуночное небо, волосах золотой ободок. На нем длинный черный камзол с высоким зазубренным воротником, расшитый узорами из небесных созвездий. Валериан в темно-красном, на манжетах поблескивают отполированные, но не ограненные рубины, каждый размером с каплю застывшей крови. Волосы у Никасии сине-зеленые, цвета океанской глубины, и украшены жемчужной диадемой. У замыкающего шествие Локка вид скучающий и усталый, волосы точь-в-точь по цвету лисий мех.

– Нелепы, как шуты, – говорю я Тарин, которая уже следует за моим взглядом. Не могу, однако, не признать, что они так же прекрасны. Прекрасные лорды и леди, точно как в песне. Если бы мы не занимались вместе с ними, если бы я не знала из первых рук, сколь жестоки они с теми, кто вызвал их недовольство, я, возможно, была бы без ума от них, как и все остальные.

– Виви говорит, что у Кардана есть хвост, – шепчет Тарин. – Она сама его видела, когда на прошлое полнолуние купалась в озере с ним и принцессой Рией.

Представить Кардана плавающим в озере, прыгающим в воду и смеющимся над чем-то, что не касается чужих страданий, трудно, даже невозможно.

– Хвост? – эхом отзываюсь я, и зарождающаяся на лице недоверчивая улыбка блекнет при мысли о том, что поделиться со мной историей, случившейся, похоже, несколько дней назад, Виви не потрудилась.

Три сестры – необычная конфигурация. Одна всегда оказывается лишней.

– С кисточкой на конце! Обычно свернут под одеждой и разворачивается, как хлыст. – Она хихикает, так что я едва понимаю ее следующие слова. – Виви сказала, что и сама бы такой хотела.

– Хорошо, что у нее его нет, – твердо замечаю я, что, конечно, глупо. Ничего не имею против хвостов.

Кардан и его свита уже так близко, что говорить о них небезопасно. Я роняю взгляд и, хотя ненавижу это, опускаюсь на колено и стискиваю зубы. Рядом то же самое делает Тарин. И не только она.

«Не смотри на нас, – думаю я. – Не смотри».

Проходя мимо, Валериан дергает меня за заплетенную в рог косичку и задерживается, хотя его приятели идут дальше.

– Думаешь, я вас не видел? Вы с сестрой в любой толпе выделяетесь. – Он наклоняется. В его тяжелом, жарком дыхании ощущается запах медового вина. Мои пальцы сами сжимаются в кулак, словно чувствуют близость ножа. Но в глаза Валериану я все же не смотрю. – Какая унылая, невыразительная физиономия.

Он еще раз сильно дергает меня за косичку. Я моргаю. В животе сворачивается кольцом бессильная ярость. Валериан смеется и идет дальше.

Ярость сгущается в стыд. Жалею, что не ударила его по руке, хотя и понимаю, что от этого стало бы только хуже.

Тарин видит что-то в моем лице.

– Что он сказал тебе?

Качаю головой.

Кардан останавливается возле мальчика с длинными медными волосами и крошечными, как у бабочки, крылышками. Мальчик не поклонился, он смеется, и Кардан делает выпад. Не успела я моргнуть, а сжатый в камень кулак принца вылетает и бьет паренька в скулу. Тот падает, а Кардан, наклонившись, хватает одно из его крылышек. Оно рвется легко, как бумага. Мальчик тонко, пронзительно кричит и, кривясь от боли, сворачивается в комок. Интересно, быстро ли у фейри отрастают крылья? Я знаю, что бабочка, потерявшая крыло, летать уже не сможет.

Придворные замирают и хихикают, но это длится секунду-другую, никак не больше. Потом, словно ничего и не случилось, все снова поют и танцуют. Веселье продолжается.

Так у них принято. Кто-то встал у Кардана на пути, и его мгновенно и жестоко наказали. Одних изгоняют из дворца, а иногда вообще отлучают от Двора. Ломают.

Кардан проходит мимо мальчишки, похоже, уже позабыв о нем. Как хорошо, думаю я, что у него пять достойных братьев и сестер, и он вряд ли доберется когда-нибудь до трона. Представить не могу, что у него будет больше власти, чем сейчас.

Даже Никасия и Валериан переглядываются со значением. Потом Валериан пожимает плечами и следует за Карданом. Зато Локк наклоняется и помогает пареньку подняться. Друзья подхватывают несчастного и уводят, и именно в этот момент Локк поднимает голову. Его рыжевато-коричневые лисьи глаза встречаются с моими, и зрачки расширяются от удивления. Я замираю, а сердце пускается вскачь. Напрягаюсь, готовясь к очередной порции насмешек, но тут уголок его рта поднимается. Локк подмигивает, словно признает, что попался, как будто у нас с ним какой-то общий секрет. Как будто на самом деле он не считает меня презренной, а мою смертность заразительной.

– Перестань на него таращиться, – одергивает меня Тарин.

– Ты разве не видела… – начинаю объяснять я, но она не дает договорить – хватает за руку и тащит к лестнице, к нашему выступу из мерцающего камня, где мы можем спрятаться.

– Не нарывайся и не давай им лишнего повода задираться – хватит и того, что есть!

Удивленная ее горячностью, я вырываю руку и вижу на запястье краснеющие полумесяцы, следы ее пальцев. Оглядываюсь, но Локка уже поглотила веселящаяся толпа.

Глава 4

Брезжит рассвет. Я открываю в своей комнате окно, впускаю последнее холодное дыхание уходящей ночи и снимаю придворный наряд. Тело пышет жаром. Сдавленная и пережатая во многих местах, кожа перестает болеть, а вот сердце никак не успокаивается.

Я была при Дворе много раз и видела вещи пострашнее оборванных крыльев. Неспособность лгать фейри компенсируют хитростью, жульничеством, умолчанием и жестокостью. Искажение слов, далеко не безобидные розыгрыши, недомолвки, двусмысленность, скандалы, не говоря уже о мести друг другу за замшелые, полузабытые обиды.

Погода не столь непостоянна, моря менее капризны.

Как русалки не могут жить без соленых морских брызг, так Мадок не может жить без кровопролития. После каждого сражения он ритуально окунает свой берет во вражескую кровь. Я видела этот берет под стеклом в арсенале. Ткань задубела и настолько пропиталась кровью, что стала почти черная, не считая нескольких зеленых пятен.

Иногда я наклоняюсь и всматриваюсь в него, пытаясь увидеть в наплывах засохшей крови кровь моих родителей. Хочу почувствовать что-нибудь, кроме невнятного, смутного беспокойства. Хочу почувствовать больше, но с каждым разом чувствую меньше.

«Сходить в арсенал?» – думаю я, но так никуда и не иду. Стою перед окном и представляю себя бесстрашным рыцарем или ведьмой, которая спрятала сердце

в палец, а потом этот палец отрубила.

– Я так устала, – говорю я вслух. – Так устала.

Долго сижу, глядя, как поднимающееся солнце золотит небо, слушая, как разбиваются о берег волны, а потом мимо окна пролетает, на фоне светлеющих облаков, какое-то существо. Сначала я принимаю его за сову, но потом вижу глаза хоба.

– От чего устала, сладенькая? – спрашивает он.

Вздыхаю и разнообразия ради отвечаю честно:

– От собственного бессилия.

Хоб внимательно рассматривает меня и улетает.

* * *

Днем отсыпаюсь. Просыпаюсь, не понимая, где нахожусь. Выпутываюсь из длинных, расшитых занавесей вокруг кровати. На щеке полоска засохшей слюны.

Ванна приготовлена и ждет, но успела остыть, и вода едва теплая. Прислуга должно быть пришла и ушла. Тем не менее я забираюсь в ванну, плещу водой в лицо.

Живя в Фейриленде, вольно или невольно замечаешь, что все здесь пахнут вербеной или толчеными сосновыми иголками, высохшей кровью или молочаем. Я, если не отмоюсь начисто, буду пахнуть, как пот из подмышек и несвежее дыхание.

Когда Таттерфелл приходит зажечь лампы, я одеваюсь к лекции, которая начинается ближе к концу дня и продолжается до глубокого вечера. Натягиваю серые кожаные сапоги и тунику с вышитым шелком гербом Мадока – полумесяц, повернутый набок и напоминающий чашу, с которой стекает капля крови.

Внизу обнаруживаю Тарин за банкетным столом. Она одна, с чашкой крапивного чая и пресной лепешкой. Сегодня ей не до веселья.

Мадок настаивает – возможно, из чувства вины или стыда, – чтобы с нами обращались как с детьми фейри. Чтобы нас учили тому же и чтобы мы получали то же, что и они. Похищенные дети попадали в Верховный двор и раньше, но никто из них еще не воспитывался как джентри.

Нет, я, конечно, благодарна. Мне нравятся уроки. На вопросы отвечаю умно и правильно, этого у меня никто не отнимет, даже если преподаватели делают иногда вид, что считают иначе. Вместо щедрой похвалы получаю разочарованный кивок. Принимаю и радуюсь – значит, я могу быть своей, независимо от того, нравится им это или нет.

Раньше с нами ходила Виви, но потом ей стало скучно. Мадок взъярился, но поскольку то, что нравится ему, безусловно, не нравится Виви, вся его брань только укрепила ее решимость.

Она и нас пыталась убедить отказаться от занятий и оставаться дома, с ней, но если мы с Тарин не в состоянии справиться с интригами детей фейри без того, чтобы бросать уроки или бегать за поддержкой к Мадоку, то как он поверит, что мы сможем управлять Двором, где столкнемся с теми же интригами, но на более высоком и опасном уровне?

Помахивая корзинками, мы с Тарин выходим из дома. Покидать Инсмир, чтобы попасть во дворец Верховного короля, вовсе не обязательно, но мы идем в обход двух островков, Инсмура, Острова камня, и Инсуила, Острова скорби. Все три соединены наполовину утопленными каменистыми тропами и камнями, достаточно большими, чтобы можно было перепрыгивать с одного на другой. Стадо оленей плывет по направлению к Инсмуру в поисках лучшего пастбища. Мы проходим мимо Озера масок и через дальний угол Молочного леса, пробираемся между бледными, серебристыми стволами под выбеленными листьями. Оттуда мы видим русалок и их братьев, мерроу, загорающих на солнышке возле скалистых пещер. В предвечернем свете чешуя отливает янтарным блеском.

Все дети джентри, независимо от возраста, учатся у преподавателей, собранных со всего королевства. Занятия проходят на территории дворца. В одни дни мы

сидим в какой-нибудь роще, выстеленной изумрудным мхом; в другие занимаемся в высоких башнях или на деревьях. Мы узнаем о движении созвездий по небосводу, о целебных и магических свойствах трав, о языках птиц, цветов и людей, а также о языке фейри и о том, как ходить по листьям и веткам, бесшумно и не оставляя следов.

Нас учат играть на арфе и лютне, стрелять из лука и фехтовать. На практических занятиях по магии мы с Тарин только наблюдаем. В перерывах все играют в войну на зеленой поляне под сенью деревьев.

Благодаря занятиям с Мадоком я опасный противник, даже с деревянным мечом.

Тарин тоже неплоха, хотя тренировки в боевых искусствах ее больше не привлекают. На Летнем турнире, до которого осталось всего лишь несколько дней, мы проводим показательное сражение перед членами королевской семьи.

При поддержке и содействии Мадока кто-то из принцев или принцесс может произвести меня в рыцари и включить в состав своей личной гвардии. Это уже какая-никакая власть, защита. И тогда, занимая такое положение, я могла бы защитить и Тарин.

Ну, вот и школа. Принц Кардан, Локке, Валериан и Никасиа уже растянулись на траве с другими фейри. Девушка с рогами лани – Поэзи – смеется над чем-то, что сказал Кардан. Нас они не удостаивают даже взглядом. Мы расстилаем одеяло, достаем тетради, ручки и чернильницы.

Какое облегчение.

Наш урок касается истории заключения мирного договора между Орлаг, владычицей Подводного мира, и разнообразными королями и королевами сухопутных владений фейри. Никасия – дочь Орлаг, отправленная ко Двору Верховного короля на воспитание и обучение. Красоте королевы Орлаг посвящено немало од, а вот ее личные качества, если Никасия пошла в мать, восхваления вряд ли заслужат. На протяжении всего урока она демонстрирует торжествующее злорадство и самодовольную гордыню, откровенно кичась своим происхождением. Потом наставник переходит к рассказу о лорде Ройбене из Двора Термитов, и я теряю интерес. Мысли утекают в сторону от истории. Ловлю себя на том, что продумываю комбинации: удар, выпад, защита, блок.

Держу ручку, как рукоять клинка, и забываю делать записи.

Солнце опускается к нижнему краю неба. Мы с Тарин достаем из корзинок хлеб, масло, сыр и сливы. Я с жадностью намазываю масло на хлеб, но, прежде чем успеваю откусить, проходящий мимо Кардан пинает мыском сапога землю, и пыль летит на мой бутерброд. Другие фейри смеются.

Поднимаю голову – он смотрит на меня с жестокой радостью, как хищная птица, решающая, стоит ли проглотить маленькую мышку. На нем расшитая колючками туника с высоким воротником, пальцы унизаны тяжелыми перстнями. На губах заученная ухмылка.

Я стискиваю зубы и говорю себе, что если не буду обращать внимание на его колкости и насмешки, то рано или поздно он потеряет ко мне интерес. Отстанет. Надо лишь еще немного потерпеть, несколько дней.

– В чем дело? – с милой улыбкой спрашивает Никасия, подходя ближе и кладя руку на плечо Кардана. – Пыль. Ты вышла из праха, смертная, в него и вернешься. Кусай побольше.

– А ты заставь, – огрызаюсь я, не успев остановиться. Ответ так себе, ничего особенного, но ладони начинают потеть. Вид у Тарин немного испуганный.

– Знаешь, я бы мог. – Кардан усмехается, как будто ничто бы не доставило ему бо?льшего удовольствия. Сердце быстро набирает ход. Если бы я не носила на шее ниточку рябины, он мог бы напустить гламур, заворожить меня так, что пыль показалась бы деликатесом. Лишь репутация и положение Мадока заставляют моего обидчика колебаться. Я не двигаюсь с места и не дотрагиваюсь до спрятанных под туникой бус, которые, надеюсь, остановят действие чар и которые, если мне повезет, принц не обнаружит и не сорвет с моей шеи.

Бросаю взгляд в направлении наставника, но старик пука уткнулся носом в книгу.

Поскольку Кардан – принц, скорее всего, останавливать его никто еще не смел. Я понятия не имею, насколько далеко он зайдет и что позволят ему наставники.

– Ты ведь этого не хочешь, правда? – с притворным сочувствием спрашивает Валериан и повторяет жест Кардана. Я и не видела, как он подошел.

Однажды Валериан украл у меня серебряную ручку, и Мадок заменил ее другой, украшенной рубинами, которую взял со своего стола. Валериан тогда впал в такую ярость, что ударил меня в затылок учебным деревянным мечом.

– Что, если мы пообещаем быть учтивыми с вами до конца дня, если вы съедите все, что у вас в корзинках? – Он широко, с издевкой улыбается. – Разве вы не хотите, чтобы мы стали вашими друзьями?

Тарин опускает глаза. «Нет, – хочу сказать я. – Нам не нужны такие друзья».

Я молчу, не отвечаю, но и голову не опускаю. Смотрю на Кардана, выдержав его взгляд. Мне нечего им сказать, нечем их остановить, и я это знаю. Здесь я бессильна. Но сегодня, похоже, меня не душит злость от собственного бессилия.

Никасия выдергивает заколку из моих волос, и одна косичка падает на шею. Я шлепаю ее по руке, но она быстрее меня.

– Что это? – Никасия показывает всем золотую заколку с тремя филигранными ягодами боярышника на конце. – Ты ее украла? Думала, она тебя украсит? Думала, станешь такой, как мы?

Я кусаю губу. Конечно, мне хочется быть такой, как они.

Они красивы, как клинки, выкованные в некоем божественном пламени. Им дарована вечная жизнь. Волосы Валериана сияют, как полированное золото. Руки и ноги у Никасии длинные и совершенной формы, губы розовые, как кораллы, волосы цвета холодной морской глубины. Лисьеглазый Локк молча стоит за спиной Валериана с лицом, выражающим натасканное безразличие. Подбородок у него заостренный, как и кончики ушей. Самый красивый из них – Кардан с черными, переливчатыми, как вороново крыло, волосами и скулами, заточенными словно нарочно, чтобы резать девичьи сердца. Его я ненавижу сильнее всех прочих. Ненавижу так, что порой забываю дышать.

– Ты никогда не будешь нашей ровней, – заявляет Никасия.

Конечно, не буду.

– Да перестань. – Локк беззаботно смеется и обнимает Никасию за талию. – Оставь в покое этих несчастных.

– Джуд извиняется, – торопливо говорит Тарин. – Нам обеим очень жаль…

– Пусть покажет, как ей жаль, – лениво тянет Кардан. – Скажи, что ей не место в Летнем турнире.

– Боишься, что выиграю? – спрашиваю я, позабыв об осторожности.

– Турнир не для смертных, – холодно сообщает он. – Выйди или пожалеешь.

Открываю рот, но меня опережает Тарин:

– Я поговорю с ней об этом. Это же всего лишь игра.

Никасия одаряет мою сестру снисходительно-великодушной улыбкой, а Валериан ухмыляется, скользя оценивающим взглядом по ее округлостям.

Наши с Карданом взгляды встречаются, и я понимаю, что свой счет ко мне он не закрыл.

– Почему ты так им дерзила? – спрашивает Тарин, когда веселая компания удаляется, направляясь к уже накрытой площадке. – Огрызаться просто глупо.

«А ты заставь…

Боишься, что выиграю?»

– Знаю, – отвечаю я. – Буду молчать. Просто… разозлилась.

– Ты бы лучше не злилась, а боялась, – советует Тарин и, покачав головой, собирает остатки нашей еды. В животе урчит, но я стараюсь не обращать внимания на голос голода.

Да, знаю, они хотят, чтобы я боялась. Не далее как сегодня, в ходе подготовки к турниру, Валериан сбил меня подножкой, а Кардан успел нашептать на ухо гадостей. Домой иду с синяками от падений и пинков.

Но запугивая меня, они не понимают вот чего: да, мне страшно, но я боялась всегда, с того самого дня, как попала сюда. Меня растит человек, который убил моих родителей и увез нас в страну чудовищ. Я живу со страхом. Я позволила ему поселиться в моих костях и не замечаю его. Если бы я не притворялась, что не боюсь, то забралась бы под покрывало в доме Мадока и не вылезала бы оттуда.

Но я отказываюсь это делать. И не стану.

Никасия ошибается насчет меня. Я не стремлюсь выступить на турнире не хуже других. Я хочу победить. Не желаю быть им ровней. В душе я жажду превзойти их, стать лучшей.

Глава 5

По пути домой Тарин останавливается собрать ежевики на берегу Озера масок. Я сижу на камне в лунном свете и умышленно не смотрю на воду. Твое лицо в озере не отражается – оно показывает кого-то другого, кто уже смотрелся в него или только посмотрится. В детстве я, бывало, днями сидела на берегу, глядя на появлявшиеся в воде лица фейри и надеясь увидеть однажды мою мать.

– Ты выйдешь из турнира? – спрашивает Тарин, отправляя в рот пригоршню ягод.

Мы постоянно голодны. Мы выше Виви, бедра у нас шире, а груди тяжелее.

Открываю корзинку, беру грязную сливу и вытираю о рубашку. Есть можно. Я и ем, медленно, задумчиво.

– Ты имеешь в виду из-за Кардана и его Двора придурков?

Она хмурится, и на ее лице проступает выражение, которое часто появляется у меня, когда сестра демонстрирует особенную тупость.

– А знаешь, как они называют нас? Двор червей.

Я бросаю косточку в воду и гляжу на разбегающиеся круги – никаких отражений сейчас уже не будет. Губы сами складываются в кривую усмешку.

– Озеро магическое, а ты мусоришь, – укоряет сестра.

– Косточка сгниет. И мы тоже. Они правы. Мы – Двор червей. Мы – смертные. Мы не можем ждать целую вечность, надеясь, что они позволят нам делать то, что мы хотим. Мне наплевать, хотят они или нет, чтобы я участвовала в турнире. Когда-нибудь я стану рыцарем, и тогда они меня не тронут.

– Думаешь, Мадок позволит? – Тарин отпускает куст ежевики, до крови исколов пальцы.

– А ради чего еще он нас обучает?

Мы идем домой и, не сговариваясь, попадаем в ногу.

– Нет, это не для меня. – Она качает головой. – Я намерена влюбиться.

От неожиданности прыскаю со смеху.

– Это ты сейчас решила? Я и не думала, что так бывает. Мне казалось, любовь случается, когда ее не ждешь, и падает как снег на голову.

– Ну а я решила вот так.

Не напомнить ли сестрице ее последнее неудачное решение – повеселиться на пирушке, – думаю я, но сдерживаюсь. Зачем расстраивать? Вместо этого пытаюсь определить, в кого же она вознамерилась влюбиться. Может, в мерроу – с таким расчетом, что он наделит ее даром дышать под водой, преподнесет жемчужную корону и заберет к себе, в подводную постель?

Вообще-то все так изумительно. Может, это я ошибаюсь с выбором.

– Ты очень любишь плавать?

– Что?

– Ничего.

Заподозрив в моем вопросе издевку, Тарин толкает меня локтем в бок.

Поскольку Молочный лес опасен по ночам, дальше идем через Кривой лес с его гнутыми деревьями. Здесь нам приходится остановиться и подождать, пока мимо пройдут несколько корневиков, чтобы не попасть им под ноги. Мох покрывает их плечи и ползет по загрубелым щекам. В ребрах свистит ветер.

Красивая, торжественная процессия.

– Если ты так уверена, что Мадок разрешит тебе участвовать, почему до сих пор сама его не спросила? – шепотом спрашивает Тарин. – До турнира осталось всего три дня.

Драться на Летнем турнире может любой, но если я хочу стать рыцарем, то должна заявить себя как кандидат, перевязав грудь зеленым шарфом. Но если Мадок не поддержит, то никакое мастерство уже не поможет. Я просто не стану кандидатом, и меня никто не выберет.

Шествие корневиков дало мне возможность не отвечать сестре, чему я только рада, потому что, конечно, возразить нечего. Я не обращаюсь к Мадоку: боюсь услышать, что он скажет.

Вот и дом. Мы открываем огромную деревянную дверь на железных петлях и слышим наверху крик, словно кому-то очень больно.

Мчусь по лестнице так, что сердце едва не выскакивает из груди, и обнаруживаю такую картину: Виви в своей комнате гоняется за тучкой спрайтов. При моем появлении они стремительно уносятся дымкой в коридор. Виви швыряет книгу, которой отбивалась от спрайтов, и попадает в дверную раму.

– Посмотри! – кричит она, указывая на гардероб. – Ты только посмотри, что они наделали!

Дверцы распахнуты, и я, заглянув, вижу беспорядочно набросанную кучу вещей, украденных в мире людей: спичечные коробки, газеты, пустые бутылки, книги и полароидные фотографии. Спрайты превратили спичечные коробки в кровати и столы, в книгах вырезали серединки, чтобы сделать там себе уютные гнездышки. Да уж, в шкафу поселилась целая колония спрайтов.

Но еще больше меня удивляет количество вещей, многие из которых, на мой взгляд, не имеют никакой ценности. Самый обычный хлам. Мусор смертных.

– Что это такое? – вопрошает, входя в комнату, Тарин. Она наклоняется и подбирает фотографии, лишь слегка пожеванные спрайтами. Снимки сделаны один за другим, вроде тех, что получаются, если сидеть в кабинке перед автоматической камерой. На всех Виви; ее рука лежит на плечах ухмыляющейся смертной девушки с розовыми волосами.

Похоже, Тарин не единственная, кто решил влюбиться.

* * *

Обедаем за массивным деревянным резным столом, украшенным сценами играющих фавнов и танцующих импов. В центре горят толстые восковые свечи. Рядом – резная каменная ваза с заячьей капустой. Слуги приносят серебряные подносы с кушаньями. Сегодня мы едим свежие черные бобы, оленину с зернышками граната, поджаренную на гриле речную форель со сливочным маслом, салат из горьких трав и на десерт кексы с изюмом, вымоченным в яблочном сиропе. Мадок и Ориана пьют канарское вино; нам его разбавляют водой.

Рядом с нашими с Тарин блюдами стоит чаша с солью.

Виви накалывает кусок оленины и слизывает с ножа кровь.

Сидящий напротив Оук ухмыляется и пытается подражать ей, но Ориана отбирает нож прежде, чем он успевает порезать язык.

Оук хихикает, берет мясо руками и рвет острыми зубами.

– Вам следует знать, что в скором времени король отречется от престола в пользу одного из своих сыновей. – Мадок обводит всех нас взглядом. – По всей вероятности, он выберет принца Даина.

По очередности рождения Даин только третий, но это неважно. Преемника выбирает Верховный Правитель – так обеспечивается стабильность Эльфхейма. Корону для первой Верховной королевы, Мэб, изготовили в ее кузнице. Согласно преданию, кузнецом был некто Гримсен; из металла он мог изготовить что угодно: поющую птичку, скользящее по шее ожерелье, сдвоенный меч, который всегда попадает в цель. Выкованная чудесным образом, корона обладает магическими свойствами и переходит только от одного кровного родственника к другому по непрерывной династической линии. Вместе с короной переходят и клятвы всех, кто присягал ей. И хотя ее подданные собираются вместе при каждой новой коронации, чтобы подтвердить свою преданность, власть по-прежнему заключена в самой короне.

– А почему он отрекается? – спрашивает Тарин.

– Его детям надоело ждать. – Губы Виви кривятся в злобной усмешке. – Старик зажился.

Лицо Мадока накрывает тень гнева. Мы с Тарин не смеем дразнить его из опасения, что генеральское терпение не беспредельно, но Виви – знаток в таких делах. Когда он отвечает, я вижу, каких усилий ему стоит не дать волю чувствам.

– Немногие короли фейри правили столь успешно на протяжении столь долгого времени, как Элдред. Теперь он отправляется на поиски Обещанной земли.

Насколько мне известно, Обещанной землей они называют смерть, хотя и не признаются в этом. Говорят, это место, откуда вышел Народ и куда он в конце концов вернется.

– То есть вы хотите сказать, он уходит, потому что стар? – спрашиваю я несмело – а вдруг это невежливо? Есть хобы, которые рождаются с морщинистыми лицами, как крохотные, безволосые котята, а есть гладкокожие никси, чей подлинный возраст выдают только их древние глаза. Думаю, времени они просто не замечают.

Ориане мой вопрос удовольствия не доставил, но и шикнуть на меня она не пытается, так что, возможно, никакой черты я не переступила. Или, может быть, ничего, кроме плохих манер, эта фейри от меня и не ждет.

– Мы не умираем от старости, но, бывает, устаем от жизни, – тяжело вздыхает Мадок. – Я воевал от имени Элдреда. Громил отказывавших ему в верности. Мне даже случалось выступать против королевы Подводного мира. Но Элдред потерял вкус к кровопролитию. Он позволяет своим подданным бунтовать против него, и это в то время, когда другие Дворы отказываются подчиниться нам. Пришло время освободить трон для нового монарха, голодного, жадного до крови, не боящегося войны.

Ориона недоуменно хмурится.

– Твои родственники тоже предпочли бы видеть тебя целым и невредимым.

– Какой толк от генерала, если нет войны? – Мадок нервно припадает к кубку с вином, делает большой глоток. Интересно, часто ли ему требуется полоскать в крови свой берет? – Коронация нового короля намечена на осеннее равноденствие. И не беспокойся. У меня есть план. Я позаботился о нашем будущем. Твоя забота – приготовиться к тому, что придется много танцевать.

Я гадаю, что же это за план у него такой, и тут Тарин пинает меня ногой под столом. Поворачиваюсь, обжигаю ее сердитым взглядом, а она в ответ поднимает брови и одними губами шепчет:

– Спроси у него.

Мадок смотрит на нее.

– Да?

– Джуд хочет о чем-то вас спросить. – Хуже всего в этом то, что она считает, будто помогает мне.

Собираюсь с духом. По крайней мере он сегодня, похоже, в хорошем настроении.

– Я думаю о турнире. – Сколько раз представляла, как произношу эти самые слова, и вот сегодня, когда говорю их вслух, получается не совсем так, как надо. – Я неплохо владею мечом…

– Ты скромничаешь, – говорит Мадок. – В искусстве боя на мечах ты великолепна.

Звучит ободряюще. Краем глаза вижу, что Тарин застыла, затаив дыхание. И вообще, все за столом притихли, кроме Оука, который постукивает стаканом о блюдо.

– Я собираюсь участвовать в Летнем турнире и хочу заявить себя на выборы в рыцари.

Мадок вскидывает брови.

– Так ты этого хочешь? Работа опасная.

Киваю.

– Я не боюсь.

– Интересно, – задумчиво говорит он.

В груди глухо колотится сердце. Я продумала все нюансы этого плана, кроме одного: Мадок отказывает.

– Хочу сама пробить себе путь при Дворе.

– Ты не убийца, – говорит он, и я вздрагиваю. Наши взгляды сталкиваются. Его золотистые кошачьи глаза смотрят ровно и бесстрастно.

– Но могу ей стать, – не сдаюсь я. – Я тренируюсь уже десять лет. – С тех пор, как ты меня забрал. Я не говорю этого, но по моим глазам можно все прочитать.

Мадок печально качает головой.

– То, чего тебе недостает, не зависит от тренировок.

– Нет, но…

– Довольно. – Мадок повышает голос. Мгновение-другое мы молчим, после чего он выдавливает из себя примирительную полуулыбку. – Дерись на турнире, если тебе так уж хочется, но на зеленый пояс не рассчитывай. Быть рыцарем ты не готова. Если не передумаешь, если решение твердое, попроси еще раз после коронации. Когда-нибудь. Если же просто прихоть, то этого времени вполне достаточно, чтобы она прошла.

– Это не прихоть! – Слышу отчаяние в голосе и ненавижу себя за это, но я так надеялась, дни считала до турнира. От одной лишь мысли, что ждать придется еще несколько месяцев, а потом он снова откажет, становится не по себе.

– После коронации, – повторяет бесстрастно Мадок.

«Ты хоть знаешь, как трудно постоянно ходить с опущенной головой?» – хочется крикнуть мне. Проглатывать оскорбления и терпеть откровенные угрозы? Но я делала это все. Думала, что докажу, какая я крутая. Думала, что, если ты увидишь, что я могу принять все, что бы ни свалилось, с улыбкой на губах, ты поймешь, что я достойна.

«Ты не убийца».

Да он понятия не имеет, кто я на самом деле.

Может, я и сама не знаю. Может, никогда и не позволю себе это узнать.

– Из принца Даина выйдет прекрасный король. – Ориана ловко переводит разговор на более приятную тему. – Коронация – это месяц балов. Нам всем нужны новые платья. – Похоже, в это свое заявление она включает и нас с

Тарин. – Роскошные платья.

Мадок кивает и улыбается во все зубы.

– Да, конечно, сколько пожелаете. Я позабочусь, чтобы вы выглядели лучше всех и танцевали до упаду.

Стараюсь дышать помедленнее и сосредоточиться на одном пункте. Влажные от оленьей крови, зернышки граната на блюде сверкают, как рубины. Когда-нибудь, сказал Мадок. Пытаюсь думать об этом. Когда-нибудь это не никогда.

Я с удовольствием получила бы бальное платье, вроде тех, что висят в гардеробе у Орианы: пышные, расшитые серебром и золотом, прекрасные, как рассвет. И на этом я тоже сосредоточиваюсь.

Но потом иду дальше и представляю себя в этом платье, с мечом на бедре, членом Двора, рыцарем Круга соколов. А еще я вижу Кардана – он напротив, у противоположной стены, стоит рядом с королем и потешается над моими претензиями.

Щипаю себя за ногу и жду, пока боль смоет все.

– Придется и тебе, как и всем нам, сносить свои башмаки, – говорит Виви. – Держу пари, Ориана изводится от беспокойства с того момента, когда Мадок подтолкнул тебя в сторону танцев. Боится, что не сможет тебя остановить. А самое страшное – вдруг ты хорошо проведешь время?

Ориана поджимает губы.

– Это, во-первых, несправедливо, а во-вторых, неправда.

Виви закатывает глаза.

– Было бы неправдой, я бы не смогла это сказать.

– Хватит! – Мадок хлопает ладонью по столу, и все вздрагивают. – Коронации – такое время, когда возможно многое. Грядут перемены, и прекословить мне

неразумно.

О ком он говорит? О принце Даине? О неблагодарных дочерях? Или обо всех сразу?

– Вы боитесь, что кто-то еще попытается захватить трон? – спрашивает Тарин. Как и я, она воспитывалась на стратегиях, ходах и контрходах. Но в отличие от меня у нее есть тот же талант, что и у Орианы: Тарин умеет задать вопрос так, чтобы направить разговор в менее опасное русло.

– Беспокоиться стоит роду Зеленого вереска, а не мне. – Вопрос Мадоку, похоже, нравится. – Некоторые из их подданных несомненно предпочли бы, чтобы не было ни Кровавой короны, ни Верховного короля. Его наследникам нужно уделять особое внимание тому, чтобы армии фейри были всем довольны. Опытный, умелый стратег ждет подходящей возможности.

– Только тот, кому нечего терять, решится атаковать трон, который защищаешь ты, – чинно говорит Ориана.

– Каждому есть что терять, – возражает Виви и корчит страшную физиономию Оуку. Мальчишка хихикает.

Ориана тянется было к нему, но потом останавливается. Ничего плохого на самом деле не происходит. Тем не менее я вижу блеск в кошачьих глазах Виви и не уверена, что у Орианы нет причины нервничать.

Виви хотела бы наказать Мадока, но все, что ей доступно, это быть занозой в его заднице. А значит, время от времени она мучает Ориану через Оука. На самом деле Виви любит Оука – как-никак он наш брат, – но она не настолько благородна, чтобы не научить его кое-чему плохому.

Мадок улыбается нам всем, являя собой картину общего согласия и довольства. Раньше я думала, что он не замечает всех токов напряжения в семье, но с годами стала понимать, что едва подавляемый конфликт нисколько его не беспокоит, а, наоборот, нравится почти так же, как открытая война.

– Возможно, никто из наших противников не является особенно хорошим стратегом.

– Будем надеяться, что так оно и есть, – рассеянно роняет Ориана, поднимая кубок с канарским вином и при этом не сводя глаз с Оука.

– У меня тост. За некомпетентность наших врагов.

Беру стакан, чокаюсь с Тарин и выпиваю все до капли.

* * *

Каждому есть что терять.

Думаю об этом с рассвета, кручу эту мысль в голове. Наконец, когда сил ворочаться без сна уже нет, накидываю халат поверх ночнушки и выхожу наружу. Солнце светит вовсю. Яркое, как кованое золото, оно слепит глаза. Я сижу на травянистой полянке возле конюшен и смотрю на дом.

До Орианы все это принадлежало моей матери. Тогда она была молодая и очень любила Мадока. Каково ей было здесь? Думала ли она, что будет счастлива? И когда поняла, что не будет?

До меня доходили слухи. Это совсем не мелочи – обмануть королевского генерала, убежать из Фейриленда с его ребенком в чреве и скрываться десять лет. На пепелище сгоревшего дома остались обугленные останки другой женщины. Она доказала свою крутизну, этого не отрицал никто. Будь мама чуть удачливее, Мадок никогда бы не догадался, что она жива.

Да, ей было что терять.

И мне есть что терять.

Но что дальше?

* * *

– Пропустим уроки сегодня, – говорю я Тарин после полудня. Я уже одета и готова и, хотя не спала, усталости совсем не чувствую. – Останемся дома.

Тарин смотрит на меня с глубокой озабоченностью, как мальчишка-пикси, недавно отданный Мадоку за долги; ее каштановые косы уже уложены короной. Она сидит чинно за своим туалетным столиком, вся в коричневом и золотом.

– Если ты говоришь не идти, значит, нужно идти. Что бы ты ни задумала, остановись. Понимаю, ты расстроилась из-за турнира…

– Это неважно, – отмахиваюсь я, хотя, конечно, это важно. Важно настолько, что без надежды на рыцарство я чувствую себя так, словно под ногами разверзлась пропасть и я в нее падаю.

– Мадок может и передумать. – Тарин спускается за мной по лестнице и, опередив, берет наши корзинки. – И по крайней мере теперь тебе не придется бросать вызов Кардану.

Я набрасываюсь на сестру, хотя уж она точно ни в чем не виновата:

– А ты знаешь, почему Мадок не дает мне разрешения? Потому что считает меня слабой.

– Джуд, – предупреждает Тарин.

– Я думала, от меня требуется быть хорошей и следовать правилам. Теперь все – хватит мне быть слабой. Хватит быть хорошей. Буду какой-нибудь другой.

– Только глупцы не боятся того, что страшно. – Спорить с этим невозможно, но и голос истины меня не убеждает.

– Давай пропустим сегодня занятия, – предлагаю я, но она не согласна, и мы вместе идем в школу.

Тарин настороженно наблюдает за мной, пока я разговариваю с командиром нашей группы в предстоящем потешном сражении, Фандой, пикси с синей, как лепесток цветка, кожей. Она напоминает, что завтра в рамках подготовки к турниру пройдет большая репетиция.

Я прикусываю губу и киваю. Мои мечты разбиты, но знать об этом никому не стоит. Пусть даже никто не знает, что у меня вообще были какие-то мечты.

Позже, сев перекусить, Кардан, Локк, Никасия и Валериан начинают вдруг кашлять, плеваться и корчиться в ужасе. Все остальные, дети фейрийской знати, едят хлеб с медом, джем из цветков бузины с печеньем, пироги и жареных голубей, сыр и виноград. А вот у моих врагов все, что лежит в корзинке, каждый кусочек, тщательно и основательно посолено.

Кардан перехватывает мой взгляд, и я ничего не могу поделать – злобная ухмылка тянет вверх уголки рта. Его глаза вспыхивают, как уголья; ненависть, живое существо, дрожит и мерцает в воздухе между нами, словно воздух над черными скалами в жаркий летний день.

– Совсем сдурела? – шипит Тарин и трясет меня за плечо так, что поневоле приходится повернуться. – Только хуже все делаешь. Против них никто выступать не смеет, и на то есть причина.

– Знаю, – негромко отвечаю я и ничего не могу с собой поделать – улыбка так и держится на губах. – Есть. И не одна.

Тарин права, что беспокоится. Я только что объявила войну.

Глава 6

Я все рассказала неправильно. Есть вещи из нашего детства в мире фейри, о которых я умолчала. И умолчала, по большей части, из-за трусости. О них я даже самой себе думать не позволяю.

Но, может быть, знание кое-каких важных деталей моего прошлого поможет понять, почему я такая, какая есть. Понять, как страх пропитал меня до мозга костей.

Почему я всегда такая дерганая.

Итак, вот три вещи, о которых я должна была сказать, но не сказала:

1. Когда мне было девять, один из стражей Мадока откусил кончик моего безымянного пальца на левой руке. Мы были не в доме, и, когда я вскрикнула, он толкнул меня так, что я врезалась головой в деревянный столб в конюшне. А потом заставил меня стоять и смотреть, как пережевывает мой палец. Он рассказал мне в подробностях, как сильно ненавидит смертных. Крови было много – никогда бы не подумала, что из пальца может столько вытечь. Когда кровь перестала идти, страж объяснил, что мне лучше помалкивать о случившемся, потому что, если только я проболтаюсь, он съест меня целиком. Конечно, я никому ничего не сказала и только вот теперь говорю вам.

2. Когда мне было одиннадцать, меня заметили прячущейся под банкетным столом во время очередного пиршества. Меня, отбрыкивающуюся и вертящуюся, один скучающий гость выволок за ногу. Не думаю, что он знал, кто я такая, – по крайней мере так я себе говорю. Но он заставил меня пить, и я выпила – травянистого зеленого вина, нектаром протекшего по моему горлу. Он танцевал со мной вокруг холма. Сначала было весело. Страшно и забавно, как бывает, когда половину времени ты визжишь и просишь опустить тебя на землю, а вторую половину у тебя кружится голова и тошнота поднимается снизу. Но потом, когда веселье выветрилось, а я все не могла остановиться, остался только страх. А его это только забавляло. В самом конце пирушки меня нашла принцесса Эловин: я рыдала, и меня рвало. Ни о чем не спрашивая, не поинтересовавшись даже, как я оказалась в таком положении, она просто, как брошенную в неподобающем месте вещь, передала меня Ориане. Мадоку мы об этом ничего не сказали. А какой смысл? Все, кто меня видел, подумали, наверно, что я отлично веселилась.

3. Когда мне было четырнадцать, а Оуку четыре, он зачаровал меня, но сделал это не нарочно, по крайней мере он так и не понял, почему не должен был так поступать. Никаких защитных чар на мне не было, потому что я только-только вышла из ванны. Оук не хотел спать и попросил меня поиграть с ним в куклы, и мы стали играть. Он приказал мне играть с ним в догонялки, и мы носились по

залам. Потом заставил меня шлепать себя по щекам, и это было так весело. Через несколько часов на нас наткнулась Таттерфелл и, увидев мои красные щеки и слезы в глазах, побежала за Орианой. Еще через несколько недель хихикающий Оук пытался заставить меня таскать для него сладости, поднимать его над головой или плевать на обеденный стол. И хотя ничего из этого не сработало, поскольку со времен его первой шаости я постоянно носила на шее нитку ягод рябины, понадобилось несколько месяцев, прежде чем у меня пропало желание стукнуть его об пол. За эту сдержанность Ориана так меня и не простила, посчитав, что, не поквитавшись за обиду тогда, я лишь отложила месть на потом.

Вот почему я не люблю эти истории: они показывают мою уязвимость. Как бы осторожна я ни была, рано или поздно я совершу еще одну ошибку. Я слабая. Я хрупкая. Я смертная.

И вот это я ненавижу больше всего.

Если даже, каким-то чудом, я превзойду их, я никогда не стану одной из них.

Глава 7

Они с отмщением не медлят.

Уроки истории продолжаются всю вторую половину дня и начало вечера. Котоголовый гоблин по имени Ярроу читает наизусть баллады и задает вопросы. С каждым моим правильным ответом Кардан злится все сильнее и уже не скрывает своего неудовольствия: жалуется Локку – мол, какие скучные эти уроки, – высмеивает преподавателя.

На этот раз заканчиваем еще засветло. Мы с Тарин отправляемся домой, и сестра то и дело бросает на меня предостерегающие взгляды. Солнечный свет слабеет, проходя между деревьями. Я делаю глубокий вдох, втягивая в себя запах сосновых иголок. Понимаю, что поступила глупо, но ощущаю странное спокойствие.

– Это на тебя не похоже, – говорит наконец Тарин. – Ты же обычно не ищешь ссор.

– Умиротворять их, делать вид, что ничего не случилось, этим делу не поможешь. – Я подцепляю ногой и отшвыриваю камешек. – Чем больше им сходит с рук, тем сильнее они укрепляются в мысли, что им это дозволено.

– Так ты что, собираешься учить их хорошим манерам? – вздыхает сестра. – Даже если кто-то и должен это сделать, то не обязательно ты.

Тарин права. Ярость, что кружит голову, пройдет, и я еще пожалею о неуместной шутке. Возможно, хорошо выспавшись, я ужаснусь содеянному так же, как она. Конечно, пролить бальзам на уязвленную гордость всегда приятно, но что в итоге? Одной проблемой больше.

«Ты не убийца.

То, чего тебе недостает, не зависит от тренировок».

И все же сожалений нет. Ступив с края, я хочу лишь падения.

Начинаю говорить, и вдруг чья-то ладонь зажимает рот. Пальцы впиваются в кожу вокруг губ. Бью, разворачиваюсь и вижу, как Локк держит Тарин за талию. Меня хватают за запястья. Вырываюсь, кричу, но в мире фейри крики все равно что птичье пение – обычное дело, не привлекающее внимания.

Нас ведут через лес. Смеются, вопят. Слышу, как Локк говорит что-то о жаворонках, но его слова тонут в шуме веселья. Кто-то толкает меня в плечо, и я падаю в обжигающе холодную воду, накрывающую меня с головой. Отплевываюсь, пытаюсь дышать. Во рту вкус грязи и камыша. Мы с Тарин по пояс в реке, и течение толкает нас ниже, на глубину. Погружаю ноги глубже в ил, чтобы не унесло. Тарин ухватилась за камень. Волосы у нее мокрые – должно быть, поскользнулась.

– Здесь, в реке, никси, – сообщает с берега Валериан. – Не выберетесь быстро, найдут, утащат под воду и будут там держать. Да еще кусать своими острыми зубами. – Он клацает, изображая, как именно никси будут нас кусать.

Вся компания собралась на берегу. Ближе всех Кардан, рядом с ним Валериан. Локк проводит ладонью по верхушкам камышей и рогозы. Вид у него отсутствующий. И добрым он сейчас не кажется. Похоже, ему все надоели: и друзья, и мы.

– Никси, они такие, – говорит Никасия и бьет ногой по воде. Брызги летят мне в лицо. – Сама не заметишь, как утонешь.

Я еще глубже погружаю ноги в ил. Вода наполняет сапоги, двигать ногами становится все труднее, но зато мне удается стоять неподвижно. Вот только как добраться до Тарин, не поскользнувшись?

На берегу Валериан опустошает наши школьные сумки и вместе с Никасией и Локком швыряет содержимое в реку. Мои тетради в кожаном переплете. Рулоны бумаги, растворяющиеся в воде. Книги с балладами и рассказами падают с внушительным всплеском и застревают, вклинившись между двумя камнями. Моя чудесная ручка и перья поблескивают на дне. Чернильница разбивается о камни, и река окрашивается алым.

Кардан наблюдает за мной. Хотя он еще и пальцем не шевельнул, я знаю, чьих это рук дело. В его глазах я вижу неприкрытую враждебность фейри.

– Весело? – кричу я. Меня переполняет ярость, и места для страха просто не остается. – Забавляетесь?

– По полной, – отвечает Кардан, и его взгляд скользит от меня туда, где под водой прячутся тени. Никси? Не знаю. Я понемногу продвигаюсь к Тарин.

– Это же просто игра, – говорит Никасия. – Но иногда мы играем слишком жестоко и не жалеем наши игрушки, а они ломаются.

– Но мы сами вас топить не станем, – добавляет Валериан.

Нога скользит по камню, и я ухожу под воду, бьюсь беспомощно, подхваченная течением, глотаю мутную воду, паникую, выбрасываю руку и хватаюсь за корень дерева. Снова становлюсь на обе ноги, пытаюсь отдышаться, откашляться.

Никасия и Валериан смеются. На лице Локка застыло бесстрастное выражение. Кардан шагнул в камыши, как будто чтобы лучше все видеть. Взбешенная, я возвращаюсь к Тарин, которая подается ко мне и крепко хватает за руку.

– Думала, ты утонешь. – Голос у сестры дрожит, и я вижу, что она на грани истерики.

– Все в порядке. – Тянусь к камню, нахожу побольше и поднимаю. Он зеленый и скользкий, весь облепленный водорослями. – Если на нас набросятся никси, отобьемся.

– Отступись. – Кардан смотрит прямо на меня. На Тарин он даже не взглянул. – Не надо было тебе заниматься с нами. Оставь все мысли о турнире. Скажи Мадоку, что тебе там не место, что мы лучше вас. Сделаешь это, и я вас спасу.

Я смотрю на него в упор и молчу.

– Тебе нужно только сдаться, – добавляет он. – Легко.

Поворачиваюсь к сестре. Тарин промокла и напугана, и это моя вина. Лето жаркое, но в реке холодно, а течение сильное.

– Тарин ты тоже спасешь?

– О, так ради нее ты все же сделаешь то, что я скажу? – Кардан пожирает меня жадным взглядом. – А это благородно? – Он берет паузу, и в этой тишине я слышу лишь сбивчивое дыхание сестры. – Благородно?

Я смотрю на никси, выжидаю, но никаких признаков движения с их стороны не видно.

– Что ты хочешь знать?

– Интересно. – Кардан делает еще шаг к воде и опускается на корточки. Теперь наши глаза на одном уровне. – В Фейриленде так мало детей, что я никогда не видел среди нас близнецов. И каково оно, быть близняшкой? Как ты себя чувствуешь? Словно тебя удвоили или как будто поделили? – Я не отвечаю.

Вижу, как Никасия берет под руку Локка, наклоняется и шепчет ему что-то. Он смотрит на нее уничижительно, и она недовольно надувает губы. Может, им досадно, что нас никто не ест.

Кардан хмурится.

– Сестра-близняшка. – Он поворачивается к Тарин, и на его губах снова вспыхивает улыбка, как будто ее зажгла какая-то очередная ужасная идея. – А ты принесешь похожую жертву? Давай выясним. У меня есть к тебе щедрое предложение. Вылезаешь на берег и целуешь меня в обе щеки. Сделаешь это, и, если не станешь защищать сестру словом и делом, я не буду считать тебя ответственной за ее дерзкое поведение. Ну что? Хорошая сделка? Но для начала ты выходишь сюда, к нам, а ее оставляешь там. Покажи ей, что она всегда будет одна.

На мгновение Тарин замирает, словно заледенев.

– Иди, – говорю я. – Обо мне не беспокойся.

И все равно смотреть, как она бредет к берегу, больно. Но, конечно, так нужно. Тарин будет в безопасности, а цена значения не имеет. Нечто бледное отделяется от остальных и плывет к ней, но, завидев мою тень в воде, приостанавливается. Я делаю движение, будто бросаю камень, и оно дергается. Им нравится легкая добыча.

Валериан берет Тарин за руку и, словно некоей важной особе, помогает выйти из воды. Ее платье промокло, с него стекает вода, и она идет, будто водный дух или морская нимфа. Ступив на берег, Тарин прижимается посиневшими губами сначала к одной щеке Кардана, потом к другой. Глаза у нее закрыты, у него же открыты, и он наблюдает за мной.

– Скажи «я отрекаюсь от сестры моей Джуд», – говорит ей Никасия. – «Я не стану помогать ей. Она мне даже не нравится».

Тарин бросает в мою сторону быстрый, извиняющийся взгляд.

– Я не обязана это говорить. В сделку такое не входило.

Все смеются. Кардан раздвигает ногой камыши и чертополох. Локк пытается что-то сказать, но Кардан перебивает его.

– Твоя сестра отказалась от тебя. Видишь, чего можно достичь несколькими словами? И это еще не самое плохое. Мы можем сделать и кое-что похуже. Можем околдовать тебя так, что ты станешь бегать на четвереньках и лаять, как собачонка. Можем наложить проклятие, и ты зачахнешь из-за того, что никогда не услышишь какую-то песню или доброе слово от меня. Мы – не смертные. Мы сломаем тебя. Ты всего лишь девчонка, хрупкая и слабая. Нам даже стараться не придется. Сдавайся.

– Нет, – говорю я. – Никогда.

Он усмехается.

– Никогда? «Никогда», как и «всегда», слишком сложное понятие для смертных.

Тени в воде остаются на месте. Возможно, эти существа не решаются напасть из-за присутствия Кардана и других, которых они воспринимают как моих друзей и которые, если что, придут на помощь и защитят меня. Я жду следующего шага Кардана и внимательно за ним наблюдаю. Надеюсь, вид у меня не покорный, а дерзкий и вызывающий. Он пристально и ужасно долго разглядывает меня, потом говорит:

– Думай о нас. Всю долгую дорогу домой. Мокрая и униженная. Думай над своим ответом. Это меньшее из того, что мы можем сделать, – с этим Кардан отворачивается от нас, и через мгновение его примеру следуют остальные. Я провожаю его взглядом. Смотрю им всем вслед.

Наконец они скрываются из вида, и я вылезаю на берег и падаю на спину в грязь, рядом со стоящей Тарин. Пытаюсь отдышаться. Никси поднимаются к поверхности и смотрят на нас жадными, с молочным отливом глазами. Одна начинает выползать на берег.

Я швыряю камень, промахиваюсь, но брызги летят во все стороны, и наступление приостанавливается.

Постанывая, поднимаюсь и иду. Тарин плетется рядом и всю дорогу тихонько всхлипывает, а я думаю о том, как ненавижу их и как ненавижу себя. А потом уже ни о чем не думаю, а просто переставляю одну за другой ноги, которые несут меня мимо терновника и папоротника, вязов и вишен, барбариса и чернослива, мимо древесных духов, притаившихся среди розовых кустов, спешу домой, к ванной и постели в мире, который не мой и, возможно, никогда моим не станет.

Глава 8

Будит меня Вивьен. Запрыгивает на кровать и стаскивает одеяло. Голова гудит. Я прижимаю к лицу подушку, поворачиваюсь на бок и стараюсь не обращать на нее внимания.

– Вставай, соня. – Она снова стягивает с меня одеяло. – Мы идем в торговый центр.

Я бормочу что-то и отмахиваюсь от нее.

– Вставай! – Она снова прыгает на кровать.

– Нет. – Я зарываюсь поглубже в постель. – Мне надо подготовиться к турниру.

Виви перестает прыгать, а я вдруг вспоминаю, что готовиться не к чему. Что драться уже не придется. Я, правда, заявила Кардану, что никогда не сдамся, но…

Вспоминаю реку, никси и Тарин.

И как сестра оказалась права, а я, блестяще и великолепно, не права.

– Я куплю тебе кофе. С шоколадом и взбитыми сливками, – безжалостно продолжает Виви. – Идем. Тарин уже ждет.

То ли сползаю, то ли сваливаюсь с кровати. Поднимаясь, чешу ногу и сердито смотрю на старшую сестру. В ответ она мило улыбается, и я вдруг ловлю себя на том, что раздражение вопреки всему уходит. Виви часто бывает эгоисткой, но относится к этому добродушно, никогда не унывает и пробуждает радостное себялюбие в других, так что с ней легко и весело.

Я быстро одеваюсь в человеческую одежду, которую держу в самой глубине гардероба: джинсы, старый серый свитер с черной звездой и пару блестящих серебристых конверсов.

Прячу волосы под вязаной шапочкой, и, когда ловлю свое отражение в высоком, в полный рост, зеркале (украшенном по обеим сторонам фигурами двух непристойно ухмыляющихся фавнов), на меня словно смотрит совсем другой человек.

Может быть, та, какой я стала бы, воспитывай меня человек.

Кем бы он ни был.

В детстве мы постоянно говорили о том, как вернемся в мир людей. Виви снова и снова повторяла, что это можно будет сделать, как только она освоит начала магии. Мы собирались найти брошенный особняк, а Виви планировала заколдовать птиц, чтобы те заботились о нас. Они приносили бы нам пиццу и сладости, а в школу мы бы ходили, только когда сами того хотели.

Однако, к тому времени когда Виви узнала, как попасть туда, в наши планы вмешалась реальность. Выяснилось, например, что птицы, даже заколдованные, не могут покупать пиццу.

Встречаю сестер перед конюшнями Мадока, где фейрийские кони с серебряными подковами стоят в стойлах рядом с огромными оседланными жабами и оленями с широкими, увешенными колокольчиками рогами. На Виви черные джинсы и белая рубашка, кошачьи глаза прячутся за солнцезащитными очками с зеркальными стеклами. Тарин надела розовые джеггинсы, пушистый кардиган и полусапожки.

Мы стараемся подражать девушкам в мире людей, девушкам в журналах и на экранах кинотеатров, в которых мы едим такие сладкие конфеты, что у меня

сводит зубы. Что думают люди, когда видят нас, я не знаю. Эти одежды для меня – костюм. О том, какие чувства вызывает девушка в сияющих конверсах, я знаю не больше, чем девчушка в наряде дракона знает о том, что означает для настоящего дракона цвет ее чешуи.

Виви срывает несколько стебельков крестовника, растущего возле корыт с водой. Найдя три, отвечающих ее требованиям, она берет первый и дует на него, приговаривая:

– Встань, скакун, и неси нас, куда я прикажу.

С этими словами она бросает стебелек на землю, и он превращается в тощего желтого пони с изумрудными глазами и гривой, напоминающей ажурную листву. Пони издает странное ржание. Виви бросает на землю два оставшихся стебля, и секундой позже уже три пони храпят и шумно втягивают ноздрями воздух. Пони немного похожи на морских коньков и могут бегать как по суше, так и по небу, подчиняясь командам Виви. Сил им хватает на несколько часов, после чего они падают и снова превращаются в траву.

Оказывается, перемещаться между миром фейри и миром смертных вовсе и не трудно. Фейри живут как около, так и под городами людей, в их тени, в холмах, долинах, на возвышенностях и в брошенных смертными зданиях. Виви – не единственная фейри с наших островов, которая регулярно перебирается через море в мир смертных, маскируясь под людей и смешиваясь с толпой. Всего лишь месяц назад Валериан хвастал тем, как он с друзьями обманным путем заставил каких-то туристов объедаться палыми листьями, которые в глазах людей выглядели деликатесами.

Забираюсь на своего пони и обнимаю его за шею. Каждый раз, когда мы отправляемся в путешествие и пони трогает с места, я невольно улыбаюсь. Наверно, все дело в невероятности происходящего: пролетающих мимо лесах, в захватывающем дух прыжке в небо, когда ощущаешь приток чистого адреналина.

Я проглатываю поднимающийся вверх по горлу восторженный вой.

Мы летим над скалами и морем, наблюдая за резвящимися в сияющих волнах русалками и нежащимися вдоль линии прибоя селками. Над туманом, постоянно

окружающим острова и скрывающим их от смертных. Мы устремляемся к берегу – мимо государственного парка, поля для гольфа и аэропорта. Приземляемся на лесистом участке, через дорогу от торгового центра. Рубашка Виви трепещет на ветру.

Мы с Тарин спешиваемся. Виви произносит несколько слов, и три наших пони превращаются в три полузасохшие травинки, не отличимые от обычной травы.

– Запомните, где припарковались, – усмехается Тарин, и мы направляемся к моллу.

Виви здесь нравится. Она пьет манговый смузи, примеряет шляпки, покупает все, чего бы мы ни пожелали, и расплачивается желудями, которые кассиры принимают за деньги. Тарин не любит то, что делает Виви, но ей здесь весело. А вот я чувствую себя призраком в торговом центре.

Шествуем через отдел «Джей Си Пенни», словно мы опасная банда. Но когда я вижу семьи, особенно семьи с хихикающими, вымазанными сладостями сестрами, мне становится не по себе.

Меня охватывает злость.

Я не представляю себя вернувшейся в такую же, как у них, жизнь. Я представляю, как приду и напугаю всех до слез.

Не напугаю, конечно.

То есть… не думаю, что напугаю.

Тарин, похоже, замечает, что мой взгляд цепляется за хнычущего рядом с матерью ребенка. В отличие от меня Тарин легко приспосабливается. Знает, что и когда нужно сказать. Если нас зашвырнет в этот мир, она и здесь будет в порядке. Влюбится, как и сказала. Станет женой и будет растить детей-фейри, которые будут обожать мамочку и переживут ее. Единственное, что ее удерживает, – это я.

Хорошо, что она не знает, о чем я думаю.

– Итак, – говорит Виви, – мы здесь потому, что вам обеим нужно взбодриться. Ну так вперед!

Смотрю на Тарин, делаю глубокий вдох… Я готова извиниться. Не знаю, это ли имела в виду Виви, но мысль сидит у меня в голове с самого утра.

– Извини…

– Ты, наверно, злишься, – выпаливает одновременно со мной Тарин.

– На тебя? – Я делаю большие глаза.

Тарин опускает голову.

– Я дала слово Кардану, что не стану помогать тебе, хотя пошла с тобой, чтобы помочь.

Трясу головой.

– Это ты должна сердиться. Правда, Тарин. Тебя ведь из-за меня бросили в реку. И ты правильно сделала, что выбралась оттуда. Я бы никогда не стала злиться.

– О… Ладно.

– Тарин рассказала, какую шутку вы сыграли с принцем, – говорит Виви. Я вижу свое множащееся отражение в ее очках и Тарин рядом. – Неплохо, но теперь вам предстоит сделать кое-что похуже. У меня есть некоторые идеи.

– Нет! – горячо возражает Тарин. – Джуд ничего не нужно делать. Она просто расстроилась из-за Мадока и турнира. Если она не станет обращать на них внимания, то и они перестанут. Может, не сразу, но перестанут.

Прикусываю губу – думаю, Тарин обманывается.

– Забудь Мадока. Служить рыцарем в любом случае скучное занятие. – Виви одним махом разделывается с тем, к чему я стремилась и готовилась годами.

Вздыхаю. Досадно, конечно, но, с другой стороны, мне легче оттого, что она не придает большого значения тому, из-за чего я уже начала отчаиваться.

– Так что ты придумала? – обращаюсь я к Виви, потому что хочу поскорее закончить это обсуждение. – Пойдем в кино? Или посмотрим губную помаду? Ты ведь вроде бы обещала мне кофе.

– Я хочу познакомить вас с моей подругой, – говорит Виви, а я вспоминаю розоволосую девушку на фотографиях. – Она попросила меня переехать к ней…

– Сюда? – спрашиваю я, как будто есть какое- то другое место.

– В молл? – Виви видит что-то забавное в наших лицах и смеется. – Мы с ней встретимся здесь сегодня, но для жилья подыщем, наверно, что-то другое. Хизер не знает о существовании Фейриленда, так что и вы о нем не упоминайте, ладно?

Превращать крестовник в пони Виви научилась, когда нам с Тарин было лет десять. Через несколько дней мы втроем сбежали из дома Мадока. Возле заправочной станции Виви наложила чары на какую- то случайно встретившуюся женщину и убедила ее взять нас домой. До сих пор помню ее пустое, невыразительное лицо. Я пыталась ее рассмешить, но, как ни старалась, какие рожицы ни строила, ничего не действовало. Мы переночевали в ее доме, наевшись до тошноты мороженого. Я наплакалась и уснула, прижавшись к всхлипывающей Тарин.

На следующий день Виви нашла комнату с плитой в мотеле, и мы учились готовить макароны с сыром из пакета. Еще варили кофе, потому что помнили, как пахло им в нашем старом доме, смотрели телевизор и плавали в бассейне с другими остановившимися в мотеле детьми.

Меня от всего этого разве что не тошнило.

Мы с Тарин выдержали так две недели, а потом упросили Виви вернуть нас домой, в Фейриленд. Нам не хватало наших постелей, пищи, к которой мы привыкли, магии.

Думаю, это разбило Виви сердце, но мы вернулись. Что ни говори о Виви, в нужный момент она стояла за нас.

Наверно, мне не стоит удивляться, что оставаться навсегда наша старшая сестра не планировала.

– Ты почему нам не сказала? – возмущается Тарин.

– Вот и говорю. И уже сказала. – Виви ведет нас мимо магазинов с видеоиграми, ярких витрин с бикини и струящимися платьями макси, претцелей с сыром и прилавков с сияющими брильянтовыми сердечками, обещающими вечную любовь.

Рядом идут люди, группки подростков в свитерах, пожилые, держащиеся за руки пары.

– Надо было сказать раньше, – заявляет, подбоченясь, Тарин.

– Уверена, мой план приободрит вас, – говорит Виви. – Мы все возвращаемся в мир людей. Находим жилье вместе с Хизер. Джуд не придется беспокоиться из-за рыцарства, а Тарин не надо будет вешаться на какого-нибудь глупого мальчишку-фейри.

– А Хизер об этом твоем плане знает? – скептически спрашивает Тарин.

Виви с улыбкой качает головой.

– Ну конечно. – Я пытаюсь превратить все в шутку. – Вот только ничего такого, за что платят, я делать не умею; только мечом размахивать да загадки придумывать.

– Мир смертных – это мир, где мы выросли, – стоит на своем Виви и, вскочив на скамейку, идет по ней, словно актер по сцене. – Вот увидите, вы снова к нему привыкнете.

– Где ты выросла. – Ей было девять, когда нас забрали, и, разумеется, она помнит о людях намного больше, чем мы. И это несправедливо, потому из нас

троих она единственная, кто знает магию.

– Но ведь фейри и дальше будут обращаться с вами как с мусором. – Виви соскакивает со скамейки прямо перед нами. Ее кошачьи глаза вспыхивают. Какая-то леди с детской коляской резко сворачивает, чтобы не налететь на нас.

– Что ты имеешь в виду? – Я отворачиваюсь от Виви и сосредотачиваюсь на узоре на керамической плитке под ногами.

– Ориана ведет себя так, как будто тот факт, что вы обе смертные, – это сюрприз, который сваливается на нее каждое утро. Мадок убил наших родителей. А еще есть те придурки в школе, о которых вы даже говорить боитесь.

– Я как раз и говорила об этих придурках. – Не хочу показать, как шокирована ее словами о наших родителях.

Виви ведет себя так, словно мы не помним, словно такое можно забыть. Так, будто это ее личная трагедия.

– И кажется, тебе это не понравилось, как они себя вели. – Виви чрезвычайно довольна собой. – Неужели ты действительно думала, что если станешь рыцарем, то все изменится к лучшему?

– Не знаю.

Виви поворачивается к Тарин.

– Ну а ты?

– Фейриленд – единственный мир, который мы знаем. – Тарин поднимает руку, предвосхищая возможное возражение. – Здесь у нас не было бы ничего. Ни балов, ни магии, ни…

– Что ж, а вот мне здесь нравится, – бросает, перебивая ее, Виви и направляется к магазину «Эппл стор».

Разумеется, мы уже обсуждали эту тему раньше. Виви считает нас дурочками, потому что мы не в состоянии сопротивляться энергии фейри и хотим и дальше оставаться в этом опасном месте. Может быть, проведя несколько лет, мы настолько испортились, что принимаем плохое за хорошее. А может, мы просто глупы, как глупы все те смертные, которые сохнут и чахнут без гоблинского фрукта. Или, может быть, это все неважно.

У входа в магазин какая-то девочка играет со своим телефоном. Нет, не какая-то девочка, а та самая девушка. Хизер – маленькая, с тусклыми розовыми волосами и смуглой кожей. На ней футболка с нанесенным вручную рисунком на груди. На пальцах – чернильные пятна. До меня вдруг доходит, что она, возможно, и рисует те комиксы, от которых не отрывается Виви.

Я уже начинаю присаживаться в реверансе, но вовремя вспоминаю, где мы находимся, и неловко протягиваю руку.

– Сестра Виви – Джуд. А это – Тарин.

Девушка пожимает мне руку. Ладонь у нее теплая, рукопожатие такое слабое, что почти и не ощущается.

Как интересно. Виви, изо всех сил старавшаяся ни в чем не походить на Мадока, в конце концов, как и Мадок в свое время, влюбилась в смертную девушку.

– Хизер, – говорит девушка. – Рада с вами познакомиться. Ви о своей семье почти никогда не рассказывает.

Тарин и я переглядываемся. Ви?

– Посидим или как? – Хизер кивает в сторону фуд-корта.

– Мне кое-кто должен кофе. – Я выразительно смотрю на Виви.

Делаем заказ, садимся, пьем. Хизер рассказывает, что учится в местном колледже на факультете искусств. Говорит о своем увлечении, комиксах и о музыкальной группе, в которой играет. Мы отбиваемся и уклоняемся от неудобных вопросов. Врем. Потом Виви поднимается и уходит с нашим подносом

– отнести мусор, а Хизер спрашивает, первая ли она подружка Виви, с которой та позволила нам встретиться.

Тарин кивает.

– Наверно, это означает, что ты очень ей нравишься.

– Так что, я теперь смогу побывать у вас? Мои родители уже готовы купить Ви зубную щетку. Как же получилось, что я еще не познакомилась с вашими?

Я едва не расплескиваю свой мокко.

– А она рассказывала тебе о нашей семье?

Хизер вздыхает.

– Нет.

– Наш папа придерживается очень консервативных взглядов.

Какой-то парень с торчащими наподобие шипов волосами и бумажником с цепочкой бросает улыбку в моем направлении. Что ему надо? Представить не могу. Может, он знает Хизер? Она никак на него не реагирует. И я не улыбаюсь в ответ.

Потом мы все вчетвером гуляем по торговому центру, пробуем фиолетовую помаду и угощаемся засахаренными яблоками, от которых зеленеет язык. Я в полнейшем восторге от этой химии, которая, несомненно, отравила бы всех придворных лордов и леди.

Хизер симпатичная и милая, но понятия не имеет, во что впутывается. Возле «Ньюбери комикс» мы вежливо прощаемся. Виви жадными глазами наблюдает за тремя мальчишками, выбирающими забавные фигурки с трясущимися головами. Интересно, о чем она думает, бывая среди людей? В такие вот моменты сестра напоминает волка, изучающего повадки овец. Но, целуя Хизер, Виви абсолютно искренна.

– Рада, что вы соврали ради меня, – говорит она, когда мы снова идем по моллу.

– Рано или поздно тебе тоже придется ей соврать. Если, конечно, у тебя и впрямь все так серьезно. Если ты и в самом деле намерена перебраться в мир смертных, чтобы быть с ней.

– И когда ты переберешься, она все равно захочет познакомиться с Мадоком, – напоминает Тарин, хотя я и вижу, что Виви желала бы максимально оттянуть этот момент.

– Любовь – дело благородное. – Наша старшая сестра качает головой. – Как может быть плохим то, что совершается во имя благородного дела?

Я фыркаю. Тарин жует губу.

В конце экскурсии по моллу останавливаемся возле аптечного киоска, и я покупаю тампоны. Каждая такая покупка служит напоминанием о том, что, хотя фейри и похожи на нас, они все-таки другая порода. Даже Ви – другая. Рву упаковку пополам и отдаю половину Тарин.

Знаю, что вас интересует. Нет, у них месячные не раз в месяц. И, да, они у них есть. Раз в год. Иногда чаще.

В общем, тема деликатная.

Мы уже возвращаемся через автомобильную стоянку к нашим заколдованным пони, когда какой-то парень примерно нашего возраста касается моей руки, и его теплые пальцы смыкаются над запястьем.

– Привет, милашка. – Черная, на пару размеров больше нужного рубашка, джинсы, бумажник с цепочкой, волосы-колючки. Из ботинка выглядывает рукоятка дешевого ножа. – Я тебя видел и хотел…

Думать некогда – молниеносный поворот, и мой кулак с хрустом врезается в челюсть. Тяжелый ботинок проваливается в живот, и обидчик падает и катится по тротуару. Я моргаю и обнаруживаю, что стою над парнишкой – тот хватает открытым ртом воздух и жалобно всхлипывает. Моя нога в тяжелом ботинке

поднята, и я готова ударить в горло, перебить трахею. Несколько остановившихся поблизости смертных с ужасом смотрят на меня. Нервы звенят, но это возбуждающий звон. Я готова продолжать.

Думаю, он пытался флиртовать со мной.

А я даже не помню, как решила его ударить.

– Идем! – Тарин дергает меня за руку, и мы втроем срываемся с места и бежим. Кто-то кричит.

Оглядываюсь через плечо. Один из приятелей того паренька бросился за нами вдогонку.

– Дрянь! – кричит он. – Дрянь психованная! Мило кровью исходит!

Виви шепчет несколько слов и делает какое-то движение у нас за спиной. Из тротуара, раздвигая трещинки, стремительно пробивается трава-росичка. Наш преследователь вдруг останавливается с растерянным выражением на лице, когда перед ним проносятся пикси. Словно потеряв чувство направления, он бредет между рядами машин. Чтобы найти нас, ему нужно вывернуть наизнанку одежду, но поскольку он об этом не знает, то и поиски обречены на неудачу.

Останавливаемся в самом конце парковки.

– Мадок бы тобой гордился, – хихикает Виви. – Его малышке обучение пошло на пользу. Цветок романа безжалостно растоптан на корню.

Потрясенная случившимся, я молчу. Впервые за долгое время я сделала что-то настоящее, достойное уважения и теперь чувствую себя не просто лучше, а великолепно. То есть не чувствую ничего, только восхитительную пустоту.

– Видишь, – говорю я Виви. – Мне нельзя возвращаться в этот мир. Посмотри, что я с ним сделаю.

На это ей возразить нечем.

* * *

О случившемся думаю всю дорогу домой, а потом еще и в школе. Сидим на деревьях, а преподавательница из Прибрежного Двора объясняет, как все увядает и умирает, рассказывает о разложении и смерти. Кардан бросает в мою сторону многозначительные взгляды, но я думаю о том спокойствии, которое ощутила, когда ударила мальчишку. А еще о завтрашнем Летнем турнире.

Я мечтала о своем триумфе на нем. Никакие угрозы Кардана меня бы не остановили. Я бы сражалась во всю силу. Теперь же его угрозы и есть единственная причина, обязывающая меня драться. Не отступить, не сдаться – в этом своя, особая гордость.

В перерыве мы с Тарин забираемся на дерево и едим сыр и овсяные лепешки, намазанные черемуховым вареньем. Потом меня подзывает Фанд. Спрашивает, почему меня не было на репетиции.

– Забыла, – отвечаю я. Поверить в это нелегко, но мне наплевать.

– Но ты же будешь драться завтра?

Если откажусь, Фанд придется перетасовывать команды.

Тарин с надеждой смотрит на меня, словно ожидая, что я опомнюсь.

– Буду, – отвечаю я, поворачивая туда, куда толкает гордость.

Занятия уже заканчиваются, когда я замечаю Тарин и Кардана, стоящих у кустов боярышника. Моя сестра плачет. Мне бы отвернуться и заняться книжками, сложить их в сумку. Я даже не видела, что там случилось и как Кардан отвел Тарин в сторону. Но я знаю, что она пошла бы независимо от повода. Тарин еще верит, что если мы будем делать все так, как они хотят, то рано или поздно им это надоест, и нас оставят в покое. Может, она и права, но мне наплевать.

По ее щекам текут слезы.

А в моей груди открывается бездонный колодец ярости.

«Ты не убийца».

Откладываю книги и иду через лужайку к ним. Кардан не успевает повернуться, как я толкаю его плечом с такой силой, что он ударяется спиной о дерево и удивленно смотрит на меня.

– Не знаю, что ты сказал моей сестре, но никогда больше к ней не приближайся, – говорю я, держа руку на лацкане бархатного камзола. – Ты дал ей слово.

Все ученики наблюдают за нами, затаив дыхание.

Секунду-другую Кардан смотрит на меня глупыми, черными, как у вороны, глазами. Потом его губы кривятся в ухмылке.

– Ты пожалеешь об этом.

Думаю, он не понимает, насколько я зла и как приятно, когда в кои-то веки ты ни о чем не сожалеешь.

Глава 9

Тарин отказывается говорить, что сказал ей принц Кардан. Твердит, что меня это никак не касается, что он не нарушил свое обещание, что мне надо оставить ее в покое и беспокоиться о себе.

– Джуд, сдайся. – Она сидит перед камином в своей спальне, пьет крапивный чай из глиняной чашки в форме змеи, закрученный хвост которой служит ручкой. На ней домашний халат алого цвета под стать пламени в очаге. Иногда, глядя на нее, я не могу поверить, что ее лицо также и мое. Она такая мягкая, милая, как девушка со старинной картины.

– Ты просто скажи мне, что такого он тебе сказал, – не отстаю я.

– Нечего говорить, – упирается Тарин. – Я знаю, что делаю.

– И что же ты делаешь? – допытываюсь я, вскинув брови, но она только вздыхает.

Я вспоминаю о Кардане, его длинных ресницах над блестящими, как уголь, глазами. Принц улыбался и злорадствовал, словно только и мечтал о том, чтобы мой кулак смял его рубашку. Словно если бы я ударила его, то лишь потому, что он заставил меня это сделать.

– Я все равно от тебя не отстану, – толкаю ее в бок. – По всем трем островам буду за тобой гоняться, пока не скажешь.

– Думаю, нам обеим было бы легче, если бы никому другому не приходилось это видеть, – говорит она и делает долгий глоток.

– Что? – Я так удивлена, что не знаю, чем ответить. – Что ты имеешь в в виду?

– Я имею в виду, что пережила бы и издевки, и обиды, если бы ты об этом не знала. – Она твердо смотрит мне в глаза, словно прикидывая, сколько правды я смогу вынести. – Я просто не могу делать вид, будто все прекрасно, когда ты собственными глазами видела, что на самом деле случилось. Из-за этого ты иногда меня просто бесила.

– Это нечестно! – восклицаю я.

Она пожимает плечами.

– Знаю. Поэтому и говорю тебе. Неважно, что там сказал мне Кардан. Я хочу притвориться, будто ничего и не было, и мне нужно, чтобы и ты притворилась вместе со мной. Без напоминаний, без расспросов, без предостережений.

Уязвленная, поднимаюсь и подхожу к каминной полке. Прислоняюсь головой к резному камню. Сколько раз она говорила мне, что связываться с Карданом и его приятелями глупо. И все же, учитывая сказанное сестрой сейчас, ко мне ее сегодняшние слезы никакого отношения не имеют. Следовательно, она сама, по собственной воле, вляпалась в какие-то неприятности.

Советов ей можно дать много, да вот только нет уверенности, что она хотя бы какие-то из них примет.

– Так чего ты хочешь от меня? – спрашиваю я.

– Хочу, чтобы ты все с ним уладила. Сила и власть за ним. Победить его невозможно. Ни храбрость, ни жестокость, ни ум здесь не помогут. Остановись и покончи с этим, пока не поздно.

Смотрю на нее непонимающе. Избежать гнева принца Кардана уже невозможно. Корабль ушел – и в гавани сгорел.

– Не могу.

– Ты слышала, что принц Кардан сказал у реки. Он хочет только одного: чтобы ты сдалась. Ты ведешь себя так, словно не боишься его, а это удар по его гордости, подрыв его статуса. – Тарин берет меня за руку, тянет к себе. В ее дыхании я чувствую острый запах трав. – Скажи ему, что он победил, что ты проиграла. Это всего-навсего слова. Ты можешь не придавать им значения.

Я качаю головой.

– Не дерись с ним завтра, – продолжает она.

– Я не выйду из турнира.

– Даже если победа в нем принесет еще большую беду?

– Да.

– Тогда сделай кое-что еще, – не унимается Тарин. – Найди какой-то выход. Уладь все, пока есть время.

О чем она умалчивает? Чего недоговаривает? Хотела бы я знать. Но, поскольку сестричка желает, чтобы я притворилась, будто все замечательно, мне не остается ничего, как только проглотить все свои вопросы и оставить ее наедине с камином.

* * *

Вернувшись в свою комнату, я вижу разложенный на кровати и пахнущий вербеной и лавандой комплект бойцовской экипировки. Во-первых, это туника с легкой подбивкой и прошитая металлической нитью. Узор изображает перевернутый полумесяц, с уголка которого падает красная капля крови. Сам полумесяц покоится на кинжале. Это герб Мадока.

Надеть сегодня эту тунику и проиграть – невозможно, не опозорившись. Да, мое поражение будет неприятно Мадоку и, наоборот, доставит некоторое удовольствие мне, послужит мелкой местью за его отказ разрешить поступить в рыцари, но чем потом смогу гордиться я?

Что мне должно сделать, так это снова опустить голову. Вести себя прилично и не мозолить глаза. Оставаться незамеченной. Позволить Кардану и его дружкам и дальше хвастать и выставляться. Держать свои умения при себе, чтобы удивить ими Двор, когда Мадок даст наконец свое согласие. Если, конечно, это когда-нибудь случится.

Вот так мне должно поступить.

Я сбрасываю тунику на пол, залезаю под одеяло, натягиваю его на голову и дышу своим собственным теплым дыханием. И так вот засыпаю.

Проснувшись после полудня, вижу, одежда помялась, и винить в этом некого, кроме себя самой.

– Глупое дитя, – выговаривает Таттерфелл, заплетая мои волосы в тугие боевые косички. – И память, как у воробья.

Направляясь в кухню, прохожу мимо Мадока в холле. Он во всем зеленом, губы сжаты, рот – твердая линия.

– Подожди-ка.

Я послушно останавливаюсь.

Мадок хмурится.

– Я знаю, каково оно, быть молодым и жаждать славы.

Прикусываю губу и молчу. В конце концов он ведь ни о чем и не спрашивал. Стоим, смотрим друг на друга. Узкие, кошачьи глаза щурятся. Между нами столько несказанного, столько причин, почему мы можем быть только чем-то вроде отца и дочери, но никогда не войдем полностью в эти роли.

– Когда-нибудь ты поймешь, что так для тебя лучше всего, – говорит он наконец. – Иди, удачи тебе в битве.

Отвешиваю низкий поклон и поворачиваю к двери. Тут уж не до кухни. Хочу только одного: убраться из этого дома с его напоминаниями о том, что мне нет места ни при Дворе, ни в Фейриленде вообще.

«То, чего тебе недостает, не зависит от тренировок».

* * *

Летний турнир проводится на отвесной скале Инсуила, Острова скорби. Это довольно далеко, поэтому я беру лошадь серой масти. В соседнем стойле разместилась жаба. Седлаю кобылу, сажусь в седло, а жаба наблюдает за всем этим золотистыми глазами. На площадку прибываю не в духе: с опозданием, голодная и взволнованная. Вокруг крытой трибуны, где предстоит расположиться королю Элдреду с приближенными, уже собирается толпа. Длинные, кремового цвета знамена трепещут на ветру. На полотнищах эмблема Элдреда – дерево, наполовину покрытое белыми цветами и наполовину колючками, со свисающими корнями и короной на вершине. Символ объединения Благого и Неблагого дворов и свободных фейри под одной короной. Мечта рода Зеленого вереска.

Распутный старший сын, принц Балекин, развалился в резном кресле, возле которого суетятся трое слуг. Рядом с ним принцесса Прия, охотница. Она не сводит глаз с готовящихся на площадке потенциальных бойцов.

При виде принцессы меня накрывает волна панического разочарования. Я так хотела попасть в число выбранных ею в рыцари. И хотя сделать это сейчас она уже не может, мною овладевает внезапный страх. А что, если я не сумею произвести на нее нужное впечатление? Может быть, Мадок был прав. Может быть, во мне и впрямь нет инстинкта убийцы.

Если не выложиться сегодня как следует, я и не узнаю, достаточно ли я была хороша.

Моя группа идет первой, потому что мы самые младшие. А поскольку мы еще только учимся, то и сражаемся деревянными мечами в отличие от тех, кто следует за нами. Боевые схватки продлятся весь день, чередуясь с выступлениями бардов, демонстрацией магии, состязаниями лучников и других умельцев. В воздухе чувствуется аромат пряного вина, но, пока еще, нет другого, сопутствующего любому такого рода турниру запаха – свежей крови.

Фанд выстраивает нас в две шеренги и раздает нарукавные повязки – серебряные и золотые. Ее синяя кожа сверкает лазурью под ярким небом. Доспехи тоже отливают разными оттенками синего, от океанского до ягодного, нагрудник рассекает зеленый пояс. Она выделяется везде, где бы ни появилась, и это осознанный риск. Если Фанд делает свое дело хорошо, зрители обязательно ее заметят. Не могут не заметить. Если же нет…

Подходя к другой группе с деревянными мечами, слышу, как кто-то шепотом произносит мое имя. Настороженно оглядываюсь и вдруг понимаю, что смотрят на меня по-другому. Вообще-то нас с Тарин всегда замечают, поскольку мы смертные, но по той же самой причине большого внимания недостойны. Сегодня, однако, это не так. Дети фейри как будто затаили дыхание в ожидании наказания, которое будет вынесено мне за то, что накануне я подняла руку на Кардана. Всем интересно, что же еще я придумаю.

Смотрю через поле на Кардана и его дружков – у всех серебро на руках. У принца серебро также на груди, пластина сверкающей стали, которая выглядит скорее как украшение, чем защита. Валериан ухмыляется.

Я не отвечаю – такого удовольствия он от меня не дождется.

Фанд вручает мне золотую нарукавную повязку и указывает место в строю. В нашей игре три раунда и два участника. Каждая сторона защищает от противника свой штандарт, в данном случае шкуру: у одних она желтовато-коричневая, оленья, у других – серебристая, лисья. Отпиваю воды из оловянного кувшина, принесенного специально для участников, и начинаю разогреваться. Под ложечкой посасывает, но голода я уж не чувствую. А вот нервы дают о себе знать легкой тошнотой. Стараюсь не обращать ни на что внимания и полностью сосредоточиться на разминке.

Вот и время пришло. Мы выходим на поле и салютуем королевской трибуне, хотя сам Элдред еще не явился. Зрителей пока немного, к закату будет больше. А вот принц Даин здесь. И Мадок рядом с ним. Принцесса Эловин задумчиво перебирает струны лютни. Тарин и Виви тоже пришли посмотреть, хотя ни Орианы, ни Оука не видно.

Виви салютует фруктовым кебабом, и принцесса Прия смеется. Тарин не сводит с меня глаз, словно пытается предупредить взглядом.

«Уладь все мирно».

В первой схватке у меня оборонительная тактика. Я избегаю Кардана и не приближаюсь к Никасии, Валериану и Локку, даже когда Валериан повергает на землю Фанд. Даже когда он же срывает нашу оленью шкуру.

Я остаюсь в стороне.

Объявляют вторую схватку.

Кардан идет на поле позади меня.

– Ты сегодня смирная. Это сестра тебя убедила? Она так жаждет нашего одобрения. – Он подцепляет ногой комок земли. – Думаю, если бы я пожелал, она покаталась бы со мной прямо здесь, на травке, пока ее белое платье не сделалось бы зеленым, а потом еще благодарила бы за оказанную честь. – Он хищно улыбается и наклоняется ко мне, будто бы делясь каким-то секретом. – Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье.

Все мои добрые намерения улетучиваются в мгновение ока. Кровь вскипает и мчится по венам. Возможностей у меня немного, но кое-что есть – заставить его раскрыться. Может, Кардан и хочет уколоть меня, но я могу толкнуть его на действия куда более смелые. Мы здесь как бы играем в войну. И когда нас призывают на позиции, я играю. Играю так жестко, как только возможно. Мой меч против нелепого нагрудника принца. Мое плечо врезается в плечо Валериана с такой силой, что он отшатывается и спотыкается. Снова и снова я иду вперед, в атаку, сражая всех, у кого на рукаве серебряная повязка. Бой заканчивается – у меня синяк под глазом и содраны колени, но второй и третий раунды остаются за золотой командой.

«Ты не убийца», – сказал Мадок.

Но сейчас я чувствую, что могу ей стать, могу нести смерть.

Зрители аплодируют, а я как будто просыпаюсь. Я позабыла о них. Пикси осыпает нас лепестками. Виви салютует мне кубком. Принцесса Рия вежливо хлопает в ладони. Мадока в ложе не видно. Балекин тоже ушел. А вот король Элдред остался. Сидит на возвышении и с отсутствующим видом разговаривает с Даином.

Меня трясет – это уходит адреналин. Придворные в ожидании боев более высокого класса изучают мои синяки и оценивают мою доблесть. Похоже, никакого особенного впечатления я не произвела. Сделала все, что смогла, сражалась изо всех сил, но этого оказалось недостаточно. Мадок даже не стал смотреть до конца.

Понуро опускаю голову.

Что еще хуже, на выходе с поля меня поджидает Кардан, и я лишь теперь замечаю, какой он высокий. Да еще эта самодовольная ухмылка, которую он носит, словно корону. Одень такого в лохмотья, он все равно останется принцем. Кардан хватает меня, сжимает щеки, давит пальцами на шею. Его дыхание касается моего лица. Другой рукой он крутит мои волосы, сматывает их в веревку.

– Знаешь, что означает смертный? Оно значит рожденный умереть. Оно значит заслуживающий смерти. Вот ты какая. Вот что определяет тебя. Вот твоя суть.

Смерть. И, однако ж, ты здесь. Стоишь на моем пути, противишься мне, а сама гниешь изнутри, порочная смертная тварь. Скажи мне, каково оно. Неужели ты и впрямь думаешь, что сможешь победить меня? Меня, принца фейри?

С усилием сглатываю.

– Нет.

В черных глазах закипает ярость.

– Похоже, в тебе еще осталась капля животного коварства и хитрости. Хорошо. А теперь проси у меня прощения.

Я отступаю на шаг, тяну голову в сторону, пытаюсь высвободить волосы. Он держит меня за косичку и смотрит в лицо сверху вниз жадными глазами и с этой своей противной ухмылочкой. Потом разжимает пальцы, и я отшатываюсь.

В воздухе трепещут, разлетаясь, тонкие прядки. Краем глаза замечаю Тарин, стоящую рядом с Локком поблизости от того места, где надевают доспехи другие рыцари. Сестра смотрит на меня умоляюще, как будто это ее нужно спасать.

– Встань на колени. – Кардан так доволен собой, что смотреть противно. Ярость каким-то странным образом перетекла в нескрываемое злорадство. – Проси прощения. Сделай как на сцене. Чтобы было достойно меня.

Другие дети знати, все в своих подбитых туниках и с мечами в руках, окружили нас и смотрят, надеясь повеселиться над моим унижением. Этого шоу они и ждали с того момента, когда я подошла к нему. Это уже не игра в войнушку, это – по-настоящему.

– Просить прощения? – эхом повторяю я.

В его глазах мелькает удивление, но его тут же стирает волна злобы.

– Ты посмела бросить мне вызов. Уже не в первый раз. Твоя единственная надежда – молить меня о милосердии на виду у всех. Проси пощады, или я

каждый день буду делать тебе больно, и так до тех пор, пока на тебе живого места не останется.

Вспоминаю темные тени никси в воде и воющего мальчишку с оборванными крыльями. Вижу мокрое от слез лицо Тарин. Думаю о Рие, равнодушно хлопающей в ладоши. О Мадоке, ушедшем, не дождавшись окончания представления.

Капитулировать не стыдно. Как сказала Тарин, это всего лишь слова. Я могу не придавать им значения. Могу солгать.

Начинаю опускаться на колени. Все закончится быстро. Я выплюну эти слова, как желчь, а потом все закончится.

Открываю рот и… ничего.

Не могу.

Качаю головой, и меня пронзает дрожь при мысли о том, что я чуть не сделала. Это же чистое безумие. Все равно что прыгнуть, не видя под собой земли, в никуда, не успев еще осознать, что это и называется падением.

– Думаешь, унизив, сможешь контролировать меня? – Я смотрю в черные глаза. – Так вот, ты – идиот. С тех пор как мы стали учиться вместе, ты из кожи вон лезешь, чтобы унизить меня, ущемить мою гордость. Я потворствовала твоему самолюбию, старалась не высовываться, ни во что не вмешивалась. Но тебе было мало, ты не оставлял нас с Тарин в покое, так что больше такого не будет. Ты не отделаешься от меня. Я и дальше буду бросать тебе вызов и позорить своей дерзостью и непокорством. Ты постоянно напоминаешь мне, что я простая смертная, а ты – принц Фейри. Ладно, позволь напомнить, что это значит: ты можешь потерять многое, а мне терять нечего. В конце концов ты можешь победить, можешь околдовывать меня, делать мне больно и унижать, но я позабочусь о том, чтобы ты потерял все, что я смогу отнять у тебя. Это я тебе обещаю, и это… – я бросаю ему его собственные слова, – это меньшее из того, что я могу сделать.

Кардан смотрит на меня так, словно видит впервые. Словно никто и никогда так с ним не разговаривал. Может быть.

Поворачиваюсь и иду прочь. Что, если Кардан схватит меня за плечо и швырнет на землю? Что, если найдет рябиновый оберег у меня на шее, сорвет его и произнесет слова заклинания, заставив после всех моих громких речей приползти к нему на коленях с униженными просьбами о пощаде? Он смотрит мне в спину, и я чувствую его взгляд, чувствую, как шевелятся волоски на шее. Только бы не побежать. На Тарин и Локка не смею даже посмотреть, но краем глаза вижу застывшую с открытым ртом Никасию. Валериан замер, сжимая в немой ярости кулаки.

Прохожу мимо палаток к каменному фонтану, умываю лицо. Наклоняюсь, смахиваю песок с колен. Ноги одеревенели, меня трясет.

– Ты в порядке? – спрашивает Локк, глядя сверху своими рыжевато-коричневыми лисьими глазами. Я даже не слышала, как он подошел.

В порядке? Нет.

Я не в порядке, но он этого не знает и спрашивать не должен.

– А тебе какое дело? – Слова вылетают как плевок. Под его жалостливым взглядом я чувствую себя совсем несчастной.

Локк прислоняется к фонтану, неторопливо растягивая губы в ленивую улыбку.

– Забавно, вот и все.

– Забавно? – вскипаю я. – Тебе забавно?

Он качает головой.

– Нет. Забавно, как ты задела его за живое.

Уж не ослышалась ли я? Хочу даже спросить, о ком это он. Не могу представить, что кто-то задел за живое всемогущего принца Кардана.

– Типа загнала занозу?

– Железную. Никто другой так его не донимает. – Локк подбирает полотенце, смачивает в струе воды, опускается на колени и заботливо вытирает мое лицо. Холодная ткань касается чувствительной кожи под глазами, и я задерживаю дыхание, но Локк обходится со мной гораздо мягче, чем обошлась бы я сама. Лицо у него серьезное, и он полностью сосредоточен на том, что делает. Даже не замечает, что я изучающе наблюдаю за ним. Лицо у него вытянутое, подбородок острый, волнистые каштановые с рыжинкой волосы…

Потом все-таки замечает. Смотрит на меня, и я смотрю на него, и это самое странное, ведь я подумать не могла, что Локк удостоит меня взглядом. И тем не менее это случилось. Он улыбается, как в тот вечер при Дворе, будто у нас с ним какой-то общий секрет.

– Держись.

Интересно. Он это серьезно?

Возвращаясь к турнирному полю, где остались мои сестры, невольно вспоминаю шокированное лицо Кардана и улыбку на губах Локка. Не уверена, что волнительнее, а что опаснее.

Глава 10

Оставшаяся часть Летнего турнира проходит для меня как в тумане. Мечники сражаются один на один, стараясь произвести впечатление на короля и Двор. Огры и фокскины, гоблины и гвиллионы – все участвуют в смертельном танце сражения.

После нескольких раундов Виви ведет нас сквозь толпу зрителей за фруктовыми шашлыками. Пытаюсь встретиться взглядом с Тарин, но та упорно отводит глаза. Мне надо знать, сердится ли она. Хочу спросить, что сказал ей Локк, когда они стояли вместе, хотя, возможно, это один из тех вопросов, отвечать на который она не станет.

Но вряд ли Локк ее унизил, ведь он ясно выразил удовольствие тем, как я осадила Кардана. А раз так, то возникает еще один вопрос, задать который Тарин я не могу.

«Хотя я и не был бы первым, кто пачкает ее платье».

Фейри не могут лгать. Кардан не сказал бы этого, если бы не верил, что это правда. И тогда какие у него основания для подобного заявления? От раздумий меня отвлекает Виви – стукает своим шашлыком о мой.

– За нашу умницу Джуд, напомнившую этому народцу, почему они до сих пор прячутся в своих курганах да холмах из страха перед свирепостью смертных.

Высокий мужчина с обвислыми кроличьими ушами и гривой каштановых волос поворачивается и награждает Виви неприязненным взглядом. В ответ получает ухмылку. Я качаю головой – сестра, конечно, преувеличивает, но все равно приятно. Даже если я произвела впечатление всего лишь на нее одну.

– Джуд не помешало бы чуточку умерить свой пыл, – бурчит под нос Тарин.

Я поворачиваюсь к ней, но она уже ушла.

Возвращаемся на арену. К выступлению готовится принцесса Рия. В руке у нее тонкий меч, напоминающий длинную булавку, и им она, пока нет противника, пронзает воздух. Два ее возлюбленных поддерживают принцессу ободряющими криками.

В королевской ложе снова появляется принц Кардан, теперь уже в свободном белом наряде с короной из роз на голове. Пройдя, как будто они пустое место, мимо короля Элдреда и принца Даина, он плюхается в кресло возле принца Балекина, с которым обменивается несколькими резкими словами. Жаль, я нахожусь не настолько близко, чтобы услышать, о чем речь. Посмотреть на выступление сестры пожаловала и принцесса Кейлия. Выходящую на поле Рию она приветствует шумными аплодисментами.

Мадок так и не вернулся.

* * *

Домой еду одна. Виви, после победы Рии в своей схватке, отправляется с принцессой поохотиться в ближайшем лесу. Тарин соглашается составить им компанию, а я слишком устала и вся еще на нервах.

На кухне в доме Мадока плавлю сыр над огнем и делаю себе тост. Потом сижу с тостом и чашкой чая на веранде, ем и смотрю на скользящее к горизонту солнце.

Повар, трау по имени Уоттл, меня как будто не замечает, следит за тем, чтобы пастернак нарезал себя сам.

Перекусив, смахиваю со щеки крошки и иду в свою комнату.

Гнарбон, слуга с длинными ушами и волочащимся по полу хвостом, останавливается, завидев меня в холле. В больших, напоминающих клещи руках – поднос с крохотными чашечками из желудей и серебристый графин с чем-то, пахнущим как ежевичное вино. Ливрея плотно затянута на груди, из прорезей торчат волоски меха.

– О, так вы дома. – Голос у него рычащий, и потому все, что бы он ни говорил и в каком бы настроении ни был, звучит угрожающе. Невольно вспоминаю стража, откусившего мне кончик пальца. С такими, как у Гнарбона, зубами откусить можно целую руку.

Я киваю.

– Принц просит вас спуститься вниз.

Кардан? Здесь? Сердце пускается вскачь. Мысли разбегаются.

– Где?

Гнарбон смотрит на меня удивленно.

– В кабинете Мадока. Я как раз собирался отнести ему вот это и…

Забираю у него поднос и спускаюсь вниз, твердо настроенная избавиться от Кардана как можно быстрее любым способом. Меньше всего надо, чтобы Мадок услышал, как неуважительно я разговариваю с принцем, и решил, что при Дворе мне определенно делать нечего. Он верой и правдой служит династии Зеленого вереска, и ему точно не понравится, что я не в ладах с одним из принцев, пусть даже и не самым старшим.

Слетаю вниз по ступенькам и пинком распахиваю дверь в кабинет Мадока. Дверная ручка бьет по книжной полке. Я вхожу и только что не швыряю поднос. Чашки подпрыгивают.

На библиотечном столе перед принцем Даином лежат раскрытыми несколько книг. Золотистые кудри падают на глаза, ворот блекло-голубого камзола расстегнут, и я вижу тяжелое серебряное ожерелье на шее. Я останавливаюсь, сознавая, что совершила колоссальную ошибку.

Принц вскидывает брови.

– Джуд? Не ждал. Ты так спешишь.

Склоняюсь в глубоком поклоне и надеюсь, что он сочтет меня просто неловкой. Страх впивается вдруг острыми когтями. А не прислал ли его Кардан? Зачем еще почтенному и уважаемому принцу Даину, будущему правителю Фейриленда, посылать за мной?

– Эм… – Язык спотыкается о панику. Вспоминаю про поднос и с облегчением указываю на графин. – Вот, милорд… это для вас.

Он берет желудь и наливает в чашечку немного густой черной жидкости.

– Выпьешь со мной?

Чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, качаю головой.

– Меня сразу свалит с ног.

Он смеется.

– Что ж, тогда просто составь мне компанию.

– Конечно. – От такого предложения отказаться нельзя. В груди глухо стучит сердце. – Принести что-нибудь еще? – спрашиваю я, не зная, что делать дальше.

Даин поднимает желудь-чашечку.

– Закуски вполне достаточно. Что мне требуется, так это беседа. Может быть, скажешь, что заставило тебя ворваться сюда. За кого ты меня приняла?

– Ни за кого, – быстро отвечаю я.

Он выпрямляется, садится повыше, будто вдруг увидел во мне что-то интересное.

– Подумал, что, может быть, тебе досаждает кто-то из моих братьев.

Качаю головой.

– Ничего подобного.

– Поразительно. – Он говорит так, словно высказывает мне комплимент. – Я, конечно, знаю, что люди умеют лгать, но то, что делаешь ты, невероятно. Повтори еще раз.

Кровь бросилась в лицо.

– Я не… я…

– Сделай это еще раз, – повторяет он. – Не бойся.

Несмотря на мягкий тон, не испугался бы на моем месте разве что глупец. Принц Даин пришел в дом в отсутствие Мадока. И спросил именно меня, дав понять, что знает о Кардане. Не исключено, что он даже видел нас после турнира, видел, как Кардан дергает меня за косу. Но что ему нужно? Ловлю себя на том, что делаю вздохи слишком часто. Даин вот-вот будет провозглашен королем и,

если это случится, сможет даровать мне место при Дворе и даже, наперекор Мадоку, сделать рыцарем. Если только я сумею произвести на него впечатление, он даст мне все, чего я хочу.

Все, что, как я думала, до этого момента уже потеряно.

Собравшись с силами, смотрю в серебристо-серые глаза.

– Меня зовут Джуд Дуарте. Я родилась тринадцатого ноября 2001 года. Мой любимый цвет – зеленый. Мне нравятся туман, грустные баллады и изюм в шоколаде. Я не умею плавать. А теперь скажите, что из этого неправда? И вообще, солгала ли я в чем-то? Потому что самое главное во всем этом – невозможность отличить ложь от правды.

Я вдруг понимаю, что после этого маленького представления он, возможно, вообще не станет принимать всерьез любые мои клятвы. Хотя сейчас Даин выглядит довольным и смотрит на меня так, словно нашел в грязи, под ногами, необработанный рубин.

– А теперь скажи, – говорит он, – как пользуется этим талантом твой отец?

Озадаченная, я растерянно моргаю.

– Что, действительно никак? Какой стыд. – Принц изучающе смотрит на меня. – Скажи, Джуд Дуарте – если это твое настоящее имя, – о чем ты мечтаешь? Чего хочешь?

Сердце колотится в груди, немного кружится голова. Так вот легко? Нет, конечно. Чтобы принц Даин, в скором времени король всех фейри, спрашивал, чего я хочу. Я не смею ответить, однако ж должна.

– Хочу… хочу быть вашим рыцарем, – с запинкой отвечаю я.

Принц вскидывает брови.

– Неожиданно. Приятно слышать. Что еще?

– Не понимаю. – Я сцепляю пальцы, чтобы он не видел, как дрожат у меня руки.

– Желание – странная вещь. Удовлетворенное, оно мутирует. Получив золотую нить, мы хотим иметь и золотую иголку. Вот почему я и спрашиваю тебя, Джуд Дуарте, чего ты возжелаешь, если я допущу тебя в свой ближний круг?

– Служить вам и ничего больше, – отвечаю я, все еще не понимая, чего он хочет. – Вам и короне.

Принц машет рукой – такой ответ его не устраивает.

– Нет, скажи мне, чего ты хочешь. Попроси у меня что-то. Что-то такое, о чем не просила никого.

«Сделай меня бессмертной», – думаю я и тут же прихожу в ужас от собственной мысли. Я не хочу этого желать, тем более что такое желание неисполнимо. Мне никогда не стать одной из них.

Перевожу дух. Если бы можно было попросить что угодно, какой дар я бы выбрала? Опасность, конечно, велика. Стоит только сказать, открыть свое заветное желание, и Даин постарается заключить сделку, а сделки с фейри, как всем известно, редко бывают в пользу смертных. Но все же искушение велико; возможность получения силы и власти маячит передо мной, как морковка перед ослом.

Мысли устремляются к бусам на шее; я вспоминаю, как горела щека под собственной ладонью; в ушах звенит смех Оука.

На память приходят слова Кардана: «Видишь, чего можно достичь несколькими словами? И это еще не самое плохое. Мы можем сделать и кое-что похуже. Можем околдовать тебя так, что ты станешь бегать на четвереньках и лаять, как собачонка. Можем наложить проклятие, и ты зачахнешь из-за того, что никогда не услышишь какую-то песню или доброе слово от меня».

– Не поддаваться чарам – вот мое желание, – говорю я, изо всех сил стараясь не выдать волнения, сохранить хотя бы видимость спокойствия. Мне нужно выглядеть серьезной, как и подобает человеку, заключающему важную сделку.

Принц Даин смотрит на меня с полнейшей невозмутимостью.

– Ребенком ты уже получила Истинное Видение. Ты понимаешь наши обычаи. Знаешь наши традиции. Посоли пищу – и разрушишь чары. Выверни наизнанку чулки – и никто не собьет тебя с верного пути. Насыпь в карманы ягоды рябины – и разум твой чужому неподвластен будет.

Последние дни, однако, показали, сколь ненадежны эти защитные меры против настоящих угроз.

– А если они вывернут мои карманы? Порвут мои чулки? Рассеют по земле всю мою соль?

Он снова смотрит на меня. Задумчиво.

– Подойди ближе, дитя.

Что делать? Я в сомнении, колеблюсь. В благородстве, достоинстве, чести принцу не откажешь. По крайней мере таким он представляется мне на основании моих собственных наблюдений. Увы, они слишком недолги.

– Давай же, смелее. Если собираешься служить мне, то и доверять обязана. – Оставаясь в кресле, он подается вперед, и я замечаю надо лбом небольшие рожки, разделяющие волосы посередине. Замечаю, сколь сильны его руки и сверкающую печатку на пальце с вырезанным на ней символом династии Зеленого вереска.

Соскользнув с подлокотника, иду к нему.

– Я вовсе не желала выказать неуважение, – выдавливаю через силу.

Он касается синяка у меня на щеке, о существовании которого я и не догадывалась. Вздрагиваю, но не отстраняюсь.

– Кардан – испорченный ребенок. При Дворе всем хорошо известно, что он проматывает наследство, предаваясь пьянству. Он погряз в мелких ссорах и скандалах. Нет, не возражай.

Я и не возражаю. Только спрашиваю себя, отчего это Гнарбон, известив, что внизу меня ожидает принц, не посчитал нужным сообщить, который именно. Не сам ли Даин распорядился передать мне это особое послание. «Опытный, умелый стратег ждет подходящей возможности».

– Мы хотя и братья, но очень не похожи друг на друга. Я никогда не буду жесток с тобой лишь ради того, чтобы себя потешить. Поклянешься служить мне – будешь вознаграждена. Но не рыцарства я для тебя хочу.

Внутри все обрывается. Ну, конечно, глупо было тешить себя надеждой, что принц заглянул лишь только для того, чтобы исполнить все мои тайные желания. Что ж, было приятно.

– Тогда чего вы хотите?

– Ничего такого, чего ты еще не предлагала. Ты хотела принести мне клятву верности и положить на службу свой меч. Я принимаю. Мне нужен кто-то, кто может лгать. Кто-то честолюбивый, с амбициями. Кто-то, кто стал бы моим шпионом. Вступай в мой Двор теней. Я сделаю тебя могущественной. Дам силу и власть, о которых ты и мечтать не смела. Смертным нелегко жить здесь, с нами. Но я устрою так, что тебя это не будет касаться.

Набравшись смелости, опускаюсь в кресло. Ощущение такое, будто ты рассчитывала на предложение руки и сердца, а тебе навязывают роль любовницы.

Шпионка. Соглядатай. Доносчица. Лгунья и вор. Вот кем он видит меня. Да что там – всех смертных. Считает, что именно в этом я хороша, что только для этого и гожусь. Для меня шпион – то сгорбленное существо со сплющенным носом, один из тех, с кем консультируется порой Мадок, неясная личность в сером одеянии с невыразительным, незапоминающимся лицом. Такие информаторы есть, наверное, у каждой особы королевской крови, но в любом случае обязательное требование к их талантам – умение оставаться незаметными. Вот и я буду незаметной, оставаясь у всех на виду.

– Возможно, ты мечтала о другом будущем для себя, – продолжает Даин. – Нет, не для тебя сияющие доспехи и воинская слава. Но обещаю, коль послужишь

хорошо, взойдя на трон, я дам тебе свободу поступать как хочешь, ведь кто посмеет противоречить слову Верховного короля? И вот тогда я дам тебе гейэс, защитный заговор от магических чар.

Я замираю. Даруемый смертным в обмен на особые услуги, гейэс защищает от любого колдовства, кроме того, которое применяется внезапно или в исключительных условиях. То есть ты неуязвим, кроме как для стрел, сделанных из сердцевины боярышника, которые, так уж случилось, предпочитает твой злейший враг. Или, например, ты побеждаешь в каждом поединке, но не можешь отказать в приглашении на обед, так что, если кто-то приглашает тебя за стол накануне сражения, на поле боя ты уже не явишься. По сути, как и все, что касается фейри, у защитного заговора две стороны. И тем не менее, похоже, что именно это мне и предлагают.

– Гейэс, – эхом отзываюсь я.

Его рот растягивается в улыбке, и уже в следующее мгновение до меня доходит почему. Я не отказалась. А значит, собираюсь это предложение принять.

– Но никакой гейэс не спасет тебя от действия наших фруктов и ядов. Подумай хорошенько. Я мог бы наделить тебя даром восхищать всех, кто только посмотрит в твою сторону. Мог бы поставить эту метку прямо сейчас. – Принц касается моего лба. – Каждый увидевший ее будет сражен любовью. Я мог бы дать тебе клинок, способный перерубить луч света.

– Не хочу, чтобы меня контролировали. – Мой голос звучит чуть громче шепота. Неужели это говорю я? Говорю вслух ему, принцу Даину. Даже не верится. – Я имею в виду, контролировали магически. Дайте мне это, а с остальным я справлюсь.

Он кивает.

– Итак, ты согласна.

Мне страшно. Слишком многое зависит от этого выбора. Все мое будущее.

Мне так нужна власть. Мне так нужна сила. И вот она, возможность получить и то и другое. Ужасный и в то же время унизительный шанс. Но и интригующий тоже. Получится ли из меня хороший рыцарь? Предугадать невозможно. Может быть, со временем я возненавижу себя за то, что решилась на столь опрометчивый шаг. Может быть, став рыцарем, обреку себя на унылую работу – вечно носить доспехи и ходить в скучные походы. Может быть, мне придется сражаться с людьми, которые мне нравятся.

Я киваю, убеждая себя, что стану хорошей шпионкой.

Принц Даин поднимается и, протянув руку, касается моего плеча. Я ощущаю легкий удар, как от разряда статического электричества.

– Джуд Дуарте, дочь праха, с этого дня и отныне никакая магия не затуманит твои мысли. Никакие чары не смогут повелевать твоим телом помимо твоей воли. За исключением воли творца этого заговора. Теперь никто не сможет контролировать тебя, – говорит он и, выдержав паузу, добавляет: – Кроме меня.

Уфф. Даже дух захватывает. Разумеется, как и в каждой сделке с фейри, тут есть подвох. Я даже злиться не могу – сама должна была догадаться. И тем не менее, разве получить такого рода защиту не замечательно? Принц Даин – один-единственный фейри, который увидел во мне что-то, чего не пожелал увидеть Мадок, что-то, признания чего я так жаждала.

Я опускаюсь на колено на старинном коврике в кабинете Мадока и приношу клятву верности принцу Даину.

Глава 11

Весь вечер, сидя за обедом, я чувствую себя хранительницей тайны. Впервые за все время я обладаю собственной, принадлежащей лишь мне властью, силой, отнять которую не может даже Мадок. От одной лишь этой мысли – я шпионка! Шпионка принца Даина! – меня охватывает волнительная дрожь. Мы едим крохотных птичек, нашпигованных ячменем и черемшой, хрустящих, истекающих жиром и медом. Ориана изящно разбирает своих. Оук жует кожицу.

Мадок ест все подряд: мясо, косточки, кожицу. Я ковыряюсь в тушеном пастернаке. Тарин тоже за столом, а вот Виви не вернулась. Подозреваю, что охота с Рией была только предлогом и после короткой поездки по лесу она снова улетела в мир смертных. Интересно, ужинает ли она с семьей Хизер?

– Ты хорошо показала себя на турнире, – говорит Мадок, похрустывая косточками.

Я не напоминаю, что он ушел, не досмотрев состязание до конца. Не знаю, что именно он успел увидеть, но сомневаюсь, что многое.

– Понимать ли это так, что ты изменил свое мнение?

Наверно, он слышит что-то в моем голосе, потому что перестает жевать и смотрит на меня, прищурившись.

– Насчет рыцарства? Нет. Твое будущее мы обсудим, когда новый король займет свое место.

Мои губы трогает слабая улыбка.

– Как хочешь.

В конце стола Тарин, наблюдая за Орианой, пытается копировать ее манипуляции с птичкой. В мою сторону она не смотрит, даже когда просит передать кувшин с водой.

Вот только помешать мне пойти за ней наверх после обеда она не может. Догоняю ее на лестнице.

– Послушай, я пыталась сделать так, как ты хочешь, но не смогла, и я не хочу, чтобы ты ненавидела меня. Это моя жизнь.

Тарин оборачивается.

– Чтобы вот так ее бездарно тратить?

– Да. – Мы уже на лестничной площадке. Рассказать ей о принце Даине я не могу, да если б и могла, не уверена, что это бы помогло. И вряд ли ей такое бы понравилось. – Жизнь – наша единственная реальная вещь. Наша единственная монета. На нее мы можем купить что хотим.

Сестра закатывает глаза, и в голосе ее слышатся язвительные нотки:

– Ах как мило! Ты это сама придумала?

– Да что с тобой такое? – сердито спрашиваю я.

Она качает головой.

– Ничего. Может, было бы лучше, если бы я думала так же, как ты. Не обращай внимания, Джуд. Ты и вправду была сегодня хороша.

– Спасибо. – Я хмурю в замешательстве брови и снова думаю о том, что сказал о ней Кардан, но повторять эти слова, обижать ее ими не хочу. – Так что, ты уже влюбилась?

Тарин смотрит на меня как-то странно.

– Я завтра останусь дома. Не пойду на лекцию. Делай со своей жизнью что хочешь, я на это смотреть не обязана.

* * *

Направляюсь во дворец, а ноги будто свинцовые. Земля устелена опавшими яблоками, чей аромат висит в воздухе. На мне длинное черное платье с золотистыми манжетами и зеленой тесьмой – моим любимым цветом. Вверху, на ветвях деревьев, выводят трели дневные птицы. Я улыбаюсь и ненадолго даю волю фантазии: коронация принца Даина… я танцую с ухмыляющимся Локком… растерянного Кардана выволакивают из зала и бросают в мрачную подземную темницу. От приятных мыслей отвлекает яркая белая вспышка. Поднимаю голову – да это же белый олень! Стоит не далее как в дюжине футов от меня. На рогах растянулась тонкая сеть паутины, а белый мех такой яркий, что кажется в послеполуденном свете серебристым. Мы долго смотрим один на другого, потом

он срывается с места и убегает в направлении дворца. Затаив дыхание, я провожаю его взглядом и решаю, что олень – доброе предзнаменование. По крайней мере поначалу так оно и выходит. Уроки проходят неплохо. Наш наставник, старина Ноггл, чудаковатый фир дарриг с севера – у него мохнатые брови и длинная борода, в которую он время от времени сует ручки, клочки бумаги. Ноггл любит поговорить о метеоритных бурях и их значении. День уже клонится к вечеру, и старик заставляет нас считать звезды. Занятие скучное, но позволяет расслабиться. Ложусь на одеяло и смотрю на темнеющее небо. Плохо только, что в темноте трудно делать записи. Обычно вести вечерние уроки помогают свисающие с деревьев светящиеся шары или большие скопления светлячков. На тот случай, если ни шары, ни светлячки достаточного освещения не обеспечат, я ношу с собой запасные огрызки свечей, поскольку человеческое зрение не такое острое. Впрочем, зажигать свечи, когда мы изучаем звезды, в любом случае не разрешается. Вывести разборчиво ту или иную букву и при этом не испачкать чернилами пальцы дело нелегкое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/holli-blek/zhestokiy-princ

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить